О ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ЦЕРКОВНО-СЛОВЕНСКАГО НАРѢЧІЯ,

И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ГРАММАТИКАХЪ СЕГО НАРѢЧІЯ.

РАЗСУЖДЕНІЕ,

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ВЪ I-Е ОТДѢЛЕНІЕ ФИЛОСОФСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Николаемъ Вышнеградскимъ

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ЛИНГВИСТИЧЕС
КАБИНЕТ
ЭТНОЛОГИЧЕС
ФАКУЛЬТЕТ
1-го М Г. У.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію I-го Отдѣленія Философскаго Факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета, 18 Февраля 1847 года.

Деканъ *Н. Устряловъ.*

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Настоящая пора не есть пора Исторіи Литтературы, но пора критическихъ и филологическихъ монографій.

II. Исторія Литтературы не возможна безъ исторіи языка.

III. Церковно-Словенскій языкъ есть ключь къ уразумѣнію Русскаго языка.

IV. Не грамматическій трудъ Іоанна Болгарскаго, но навыкъ былъ источникомъ познанія Церковно-Словенскаго языка, для старинныхъ писателей.

V. Грамматика Добровскаго страдаетъ отвлеченностью понятія о Церковно-Словенскомъ языкѣ: въ ней царствуетъ смѣшеніе древнихъ и новыхъ формъ языка.

VI. Изслѣдованія и положенія Востокова значительно превосходятъ труды Добровскаго правильностію пріема и опредѣленностью понятія о Церковно-Словенскомъ языкѣ.

До тѣхъ поръ не будемъ мы имѣть полной и совершенной исторіи внутренней жизни Руси, доколѣ не составимъ полной и основательной исторіи Русскаго языка. Отражая въ своихъ постоянныхъ видоизмѣненіяхъ, въ своемъ расширеніи или съуженіи, въ своемъ обогащеніи или обнищаніи, всѣ послѣдовательныя фазы развитія народной мысли, онъ есть самый точный показатель и послѣдовательныхъ степеней развитія этой мысли, и тѣхъ вліяній, которыя дѣйствовали на нее, и тѣхъ особенныхъ сторонъ, къ которымъ въ ту или другую пору преимущественно обращалась мысль. Въ языкѣ, какъ и во всемъ, ничто не измѣнялось даромъ, безъ причины; всякое внѣшнее измѣненіе языка указываетъ на внутренне видоизмѣненіе народнаго сознанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ намекаетъ на причину, которая произвела это видоизмѣненіе. Историческія отношенія каждаго народа безчисленны, но не каждое отношеніе дѣйствуетъ, или, по крайней мѣрѣ, не каждое дѣйствуетъ въ одинаковой степени на образованіе народной мысли: одно проходитъ, такъ сказать, по поверхности народа, рѣшительно не видоизмѣняя его сознанія; другое сильно вторгается въ него, производитъ перемѣны, вноситъ новые

элементы, разрушаетъ старые. Если задача исторіи, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить степень, до которой каждое историческое событіе дѣйствовало на образованіе народнаго сознанія, то въ чемъ найдетъ историкъ вѣрнѣйшаго для себя руководителя въ этомъ трудномъ и невѣрномъ изслѣдованіи, какъ не въ языкѣ—этомъ воплотившемся въ звуки народномъ сознаніи, въ этомъ живомъ выраженіи, отражающемъ въ себѣ каждую перемѣну народнаго сознанія? Вникните въ языкъ народа, въ его послѣдовательную судьбу, и вамъ станетъ ясно, что народъ принималъ къ сердцу, въ нѣдро своей мысли, и что пропускалъ незамѣченнымъ? Языкъ опредѣлитъ вамъ надежнѣе всего кругъ тѣхъ элементовъ, которые участвовали въ образованіи исторической жизни народа. Ничто не живетъ внутри насъ, въ нашемъ сознаніи, въ тоже самое время не отражаясь и въ словѣ: каждое новое понятіе, самобытно ли народомъ развитое, со стороны ли къ нему привнесенное, не иначе войдетъ въ сознаніе народа и не иначе выйдетъ изъ него, какъ помощію слова. Итакъ языкъ народа есть мысль народа: исторія языка есть исторія народной мысли. А ужъ конечно никто не сомнѣвается, что мысль и составляетъ главный предметъ науки.

Въ нашу пору, когда всѣ такъ сильно толкуютъ о народности, когда всѣ такъ справедливо стремятся воскресить ее путемъ строгаго историческаго изученія, въ нашу пору сильнѣе, чѣмъ когда либо, чувствуется потребность въ исторіи языка. Въ то время, когда наука на Западѣ, ясно сознавъ сію потребность, съ совѣстливостью и усердіемъ или уже исполнила или еще исполняетъ эту важную задачу, въ то время, какъ историки Западные уже давно пользуются результатами филологи-

ческихъ изслѣдованій для полученія важныхъ выводовъ историческихъ, мы Русскіе едва ли даже сознаемъ вполнѣ эту потребность; объ удовлетвореніи ей нѣтъ ещи и рѣчи. Мы не только не стараемся общими усиліями исполнить эту важную, существенную потребность нашей науки; но какъ будто намѣренно стараемся перешагнуть ее, не замѣтить ее, дабы исполненіемъ ея не замедлить своего торопливаго хода къ философски-историческимъ воззрѣніямъ на литтературу. Мы забываемъ, что безъ основательной исторіи языка нѣтъ основательной исторіи литтературы, что многотрудное филологическое изученіе должно быть предпослано философскимъ воззрѣніямъ. Безъ того всѣ эти воззрѣнія, производя на минуту эффектъ своимъ остроуміемъ и замысловатостью, будутъ потомъ одно за другимъ падать въ бездну забвенія; потому, что они не держатся ни на чемъ крѣпкомъ, надежномъ. Два класса историковъ литтературы существуетъ у насъ: одни и эти гораздо старѣе по времени—довольствуются при изложеніи исторіи литтературы названіемъ въ хронологическомъ порядкѣ разныхъ писателей, съ показаніемъ, что именно они написали, и краткими литтературно-критическими замѣтками о эстетическомъ достоинствѣ сочиненія. Но пора этихъ историковъ уже прошла; это чувствуютъ всѣ не чуждые общему движенію мысли. Теперь настала другая пора; явился другой родъ исторій литтературы, очевидно вызванный соблазнительнымъ примѣромъ Запада: намъ захотѣлось разомъ получить философію исторіи Литтературы, безъ всякихъ предварительныхъ степеней; и мы на самомъ дѣлѣ получили ее не долѣе, какъ въ теченіи одной зимы. Въ то время, когда не рѣшенъ еще вопросъ, есть ли у насъ древняя Литтература или су-

ществуетъ только одна письменность, когда каждый отдѣльный памятникъ представляетъ такъ много вопросовъ касательно своей подлинности, своего значенія филологическаго и литтературнаго, когда наконецъ цѣлыя груды этихъ памятниковъ лежатъ не изданныя и не описанныя, не гдѣ нибудь въ отдаленныхъ монастырскихъ библіотекахъ, но въ Петербургѣ и Москвѣ, рядомъ съ тѣми домами, гдѣ живетъ Русская ученость, мы прямо беремся за рѣшеніе вопроса, какую идею выражаетъ древняя литтература Руси, какая задача назначена ей промысломъ, какой путь предлежитъ ей въ будущемъ. Вопросы великіе,—міровые, на которые отвѣтъ лежитъ въ мысли Бога, и о которыхъ мы можемъ гадать только тогда, когда народъ, исполнивъ свое служеніе, сойдетъ со сцены историческаго міра, оставивъ памятникомъ по себѣ большій или меньшій запасъ идей, имъ развитыхъ. За то таково и рѣшеніе означенныхъ вопросовъ у насъ на Руси. Между тѣмъ совѣсть говоритъ каждому изъ нашихъ историковъ литтературы, часто противъ его желанія, что языкъ писателя есть первое дѣло, на которое должно быть обращено его вниманіе: но намъ не когда изслѣдовать всѣ подробности языка у извѣстнаго писателя и мы довольствуемся обыкновенной фразой, что у такого-то писателя языкъ есть смѣсь церковнаго съ народнымъ, съ видимымъ впрочемъ преобладаніемъ того или другаго, смотря по обстоятельствамъ.

Вотъ такъ-то пишемъ мы исторіи литтературы, - и не служитъ ли эта самая манера писанія яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ, что мы не хотимъ ни знать, ни думать объ исторіи языка, что намъ хотѣлось бы, миновавъ эту многотрудную и скучную работу, прямо угадать тѣ результаты, которые она должна бы была

дать намъ. Одно лишь Правительство, свѣтло прозирая существенную необходимость подобнаго труда для нашей науки, непрестанно принужденіемъ и поощреніемъ вызываетъ насъ къ нему. Да — *настоящая пора не есть пора Исторіи Литературы, но пора предварительныхъ трудовъ—филологическихъ и критическихъ монографій.*

Но что предлежитъ сдѣлать тому, кто вздумалъ бы приняться за важный и существенно необходимый трудъ исторіи Русскаго языка? – Какой порядокъ долженъ онъ наблюдать въ своихъ изслѣдованіяхъ? На какихъ спеціальныхъ пунктахъ долженъ онъ сосредоточить все свое вниманіе? Долго на Руси господствовало раздѣленіе между языкомъ книжнымъ—письменнымъ, и языкомъ живой народной рѣчи. Языкъ нашей письменности выросъ первоначально не на нашей почвѣ: онъ переселился къ намъ, съ священными и церковными книгами, изъ страны родной намъ по народу, населявшему ее, но тѣмъ не менѣе отдѣльной, отличной отъ насъ. Мы радостно встрѣтили это нарѣчіе во имя тѣхъ святыхъ книгъ, въ которыхъ оно было принесено къ намъ; мы ревностно принялись воздѣлывать его; мы отдали ему въ книгахъ, ежели не исключительное, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно перевѣшивающее первенство надъ рѣчью устною, живою, Русскою. И долгое время не могли мы отважиться на мысль, что можно писать тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ и говоримъ. Емансипація языка устнаго изъ-подъ опеки языка книжнаго, единовластвавшаго въ литературѣ, совершилась только лишь на нашей памяти, да и то не совсѣмъ, не окончательно. Но тѣмъ не менѣе рѣчь книгъ священныхъ и церковныхъ, рѣчь Церковно-Словенская около 8 столѣтій гласно раздавалась

въ нашей Литтературѣ, властвуя надъ рѣчью устною; цѣлыя 8 столѣтій она служила органомъ для выраженія всѣхъ высшихъ помысловъ Русскаго человѣка: на ней бесѣдовалъ онъ съ Богомъ; на ней излагалъ и читалъ онъ судьбу своей отчизны. Могла ли послѣ того уцѣлѣть рѣчь устная не тронутою, оградиться отъ вторженія въ нее рѣчи Церковно-Словенской?—Многое изъ строя рѣчи Словенской перешло въ рѣчь Русскую. Но въ свою очередь могла ли рѣчь Церковно-Словенская сохранить свой первоначальный видъ, развиваясь и воздѣлываясь подъ перомъ Русскихъ писателей? Какъ ни велико было тщаніе Русскаго человѣка усвоить себѣ въ совершенствѣ рѣчь Церковно-Словенскую, но натура Русская невольно врывалась въ его трудъ, и своими внушеніями производила въ немъ различныя перемѣны. Такимъ образомъ рѣчь Церковно-Словенская мало по-малу подъ вліяніемъ элемента народнаго уклонилась отъ своего первоначальнаго вида, обрусѣла, приняла въ себя многое, ей несвойственное, измѣнилась, извратилась. Такимъ образомъ исторія языка у насъ на Руси собственно есть исторія взаимнодѣйствія между нарѣчіемъ Церковно-Словенскимъ и нарѣчіемъ народнымъ.

Отсюда легко опредѣляются тѣ пункты, на которые долженъ обратиться главный трудъ Историка-филолога: чтобы основательно уразумѣть процессъ взаимнодѣйствія между нарѣчіемъ Церковно-Словенскимъ и нарѣчіемъ народнымъ—Русскимъ, должно разсмотрѣть тотъ и другой изъ сихъ элементовъ въ отдѣльности, опредѣлить составъ и свойства того и другаго нарѣчія; а потомъ руководясь полученнымъ понятіемъ опредѣлить въ каждомъ памятникѣ степень участія того и другаго элемента. Трудъ обширный, превышающій силы одного человѣка!

Избираемъ для себя пунктъ первый: *опредѣленіе грамматическихъ свойствъ и лексикографическаго состава Церковно-Словенскаго нарѣчія*; *и дабы знать, что въ настоящую пору для сей цѣли нужно дѣлать, разсмотримъ критически, что уже сдѣлано для нея другими, и поколику сими трудами можно пользоваться*? Филологія языка слагается 1, изъ *Грамматики его*, опредѣляющей фоническія, этимологическія и синтаксическія свойства его, 2, изъ *Словаря*, излагающаго лексическую сторону его и 3, изъ памятниковъ письменности, на которыхъ должны основываться какъ Грамматика такъ и Словарь. Итакъ обозримъ историко-критически, что сдѣлано въ показанныхъ трехъ отношеніяхъ для Церковно-Словенскаго нарѣчія.

Нарѣчіе Церковно-Словенское, бывъ вытѣснено отъ Славянъ Западныхъ католическою Латынью, ограничивало кругъ своего вліянія Болгаріею, Сербіею и Русью. Не смѣемъ рѣшительно сказать, было ли оно родное Болгарамъ или Сербамъ; по крайней мѣрѣ оно не было родное намъ; по крайнѣй мѣрѣ у каждаго изъ трехъ названныхъ народовъ оно принимало свой особенный видъ, оставаясь въ основѣ своей и существенныхъ чертахъ едино и нераздѣльно. У каждаго народа оно подвергалось вліянію своего особеннаго идіома, и слѣдовательно принимало въ себя особенныя черты. Не изслѣдованное филологически, не опредѣленное строго законами Грамматики, оно изучалось единственно навыкомъ: начитавшись его, всякой почиталъ себя вправѣ писать на немъ, или переводить на него. Понятно, что при этомъ начальный строй языка никакъ не могъ уцѣлѣть; онъ сильно подавался въ сторону съ каждымъ столѣтіемъ: портилась этимологическая сторона языка, но еще болѣе

портилась сторона синтаксическая отъ вліянія идіома Греческаго. Ошибки писателей предыдущихъ принимаемы были послѣдующими за правила языка; невѣжество и нерадѣніе переписчиковъ довершало зло. Въ чемъ же состояла обязанность филолога при такихъ обстоятельствахъ? Собрать возможно древніе памятники языка, которые свободнѣе отъ искаженій, чѣмъ послѣдующіе, строго отдѣлить все примѣшавшееся къ языку изъ народнаго идіома, чуждаго вліянія и невѣжества, дабы возстановить языкъ въ его первоначальномъ, безпримѣсномъ видѣ. Въ отношеніи къ Церковно-Словенскому языку филологія поступала прямо обратнымъ образомъ: напередъ составила Грамматики и Словари, руководясь испорченнымъ языкомъ своего времени и примѣромъ школьныхъ Грамматикъ Греческихъ и Латинскихъ; а потомъ уже сознала неправильность такого пріема, и начала заботиться объ ознакомленіи съ древнѣйшими первоначальными памятниками письменности Церковно-Словенской. Такимъ образомъ все разсмотрѣніе наше раздѣлится на два отдѣла: 1) критическую Исторію Грамматикъ и Словарей Церковно-Словенскаго нарѣчія, объемлющую 17, 18 и отчасти 19 столѣтія, 2) критическое обозрѣніе изданій памятниковъ Церковно-Словенскаго нарѣчія, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Составленіе Грамматикъ для Церковно-Словенскаго нарѣчія начинается въ 17-мъ столѣтіи. Распространеніе книжной, школьной учености въ югозападной Руси чрезъ Кіевскую Академію съ одной стороны, а съ другой можетъ быть желаніе защитить отъ искаженія языкъ Церковно-Словенскій, органъ православія, угнѣтаемаго Уніею, были причиною появленія грамматическихъ сочиненій. Направленіе, которое давала въ то время молодымъ лю-

дямъ школа, необходимо отражалось на всей ученой ихъ дѣятельности: слушая отъ своихъ наставниковъ уроки постоянно на Латинскомъ языкѣ, непрестанно считая стопы и стихи, сами слагая непрестанно хитросплетенныя вирши, непрестанно читая Византійскихъ-Греческихъ писателей и перелагая ихъ, молодые люди неизбѣжно такъ сроднялись съ формами языковъ классическихъ, что почитали оныя необходимыми для всякаго инаго языка: въ грамматикахъ Греческой и Латинской они видѣли всеобщую схему, по которой непремѣнно должна выкраиваться всякая другая грамматика. Строй языковъ классическихъ въ ихъ понятіи былъ единственно-возможнымъ строемъ какого бы то ни было языка. Итакъ отыскать всевозможное сходство между языками древними и языкомъ Церковно-Словенскимъ, внести въ сей послѣдній все, что только возможно, изъ первыхъ, вотъ задача, которую предполагалъ себѣ всякій, приступавшій къ составленію Грамматики Церковно-Словенской. Прибавьте къ этому, что отчасти вліяніе народнаго идіома, а отчасти нерадѣніе и невѣжество давно уже изказили и обезобразили настоящую природу Церковно-Словенскаго нарѣчія, что грамматики онаго изучали его въ этомъ искаженномъ видѣ, и подводили подъ свои правила его обезображенный строй; и вы легко составите себѣ понятіе о характерѣ и достоинствѣ ихъ сочиненій. Два главные недостатка мѣшали правильности и полнотѣ воззрѣнія на составъ и свойства настоящаго Церковно-Словенскаго нарѣчія: 1) не на тѣхъ памятникахъ, которые, происходя изъ древнѣйшей, начальной эпохи Церковно-Словенской письменности, сохранили образцы этого языка въ его настоящемъ видѣ, опирались ученые Грамматики, но на тѣхъ, въ которыхъ языкъ далеко укло-

ился отъ своего настоящаго вида; 2) школьную Грамматику Греческую и Латинскую принимали за неизбѣжный образецъ, по которому должна составиться всякая другая Грамматика. Эти два недостатка характеризуютъ Грамматику Церковно-Словенскую въ теченіи 17 и 18 столѣтій. Вождь и Авторитетъ грамматиковъ въ эту эпоху есть *Мелетій Смотрицкій*. И потому на него мы обратимъ главное свое вниманіе.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію Грамматики Смотрицкаго, намъ предлежитъ еще сказать о грамматикахъ, ему предшествовавшихъ. Г. *Зеленецкій* въ сочиненіи своемъ о Церковно-Словенскомъ языкѣ, исчисляя Грамматическія сочиненія о Церковно-Словенскомъ языкѣ, первымъ Грамматикомъ онаго называетъ Іоанна Екзарха Болгарскаго; вторымъ же по времени сочиненіемъ въ этомъ родѣ полагаетъ *грамматику доброглаголиваго Еллино-Славянскаго языка. изданную въ* 1591 *году* Львовскими студентами, а третьимъ Грамматику Лаврентія Зизанія, изданную въ 1596 году. Скажемъ о каждомъ изъ сихъ сочиненій порознь.

«*Книга Сватаго Ивана Дамаскина философскаа «о осмихъ частехъ слова, преведе же еа Иванъ Прес«витеръ Екзархъ Болгарскій отъ Еллинскаго языка «въ Словенскій*», подъ такимъ названіемъ найдено грамматическое сочиненіе Іоанна Болгарскаго въ рукописи XVII вѣка, писанной рукою Даніила Митрополита Московскаго, гонителя Максима Грека. Время ли сохранило до Даніила только часть труда Іоаннова, самъ ли Даніилъ ограничился выпискою только самаго важнѣйшаго изъ книги Іоанна, но довольно того, что мы имѣемъ только не большой отрывокъ Грамматики Іоанна, въ которомъ вмѣсто осьми частей рѣчи говорится только

о четырехъ: о имени, рѣчи или глаголѣ, причастіи и различіи или членѣ. Калайдовичь, открывшій и издавшій твореніе Іоанна Болгарскаго, приписываетъ Грамматикѣ его весьма важную роль въ древней исторіи языка Словенскаго: ею объясняетъ онъ правильность грамматическихъ фразъ въ древне-Словенскихъ памятникахъ; ее дѣлаетъ онъ какъ бы наставницею всѣхъ Словенскихъ писателей, слѣдовавшихъ за Кирилломъ и Меѳодіемъ, не опредѣляя даже мѣста, гдѣ она имѣла вліяніе, и слѣдовательно приписывая ей всеобщее значеніе между Восточными Словенами. «Письменные памятники вѣковъ, «давно минувшихъ, сохранившіе намъ драгоцѣнное нас«лѣдіе отцевъ, особливо въ преложеніи Священнаго Пи«санія, при всей глубокой отдаленности времени, явля«ютъ печать благородной простоты и искуства. Сіе дос«тоинство произошло не отъ случая, не отъ одного раз«говорнаго употребленія, но было руководимо нѣкото«рымъ познаніемъ языка, хотя источникъ сихъ правилъ «доселѣ укрывался отъ филологовъ.» Этимъ-то источникомъ познанія языка Словенскаго Калайдовичь и признаетъ грамматику, составленную Іоанномъ Болгарскимъ. Мы съ своей стороны, признавая трудъ Іоанна вполнѣ достойнымъ вниманія по его глубокой древности, не можемъ однако приписать ему того значенія, которое приписываетъ Калайдовичь, который весьма естественно не могъ безъ нѣкотораго пристрастія смотрѣть на свое открытіе; мы не можемъ дошедшій до насъ отрывокъ назвать воспитателемъ послѣдующихъ писателей въ отношеніи къ Словенскому языку. И мы говоримъ это на слѣдующихъ основаніяхъ.

Грамматика, составленная Іоанномъ Болгарскимъ, есть переводъ или извлеченіе изъ Грамматики Іоанна Дамас-

кина, къ сожалѣнію до насъ не дошедшей въ Греческомъ подлинникѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ надпись надъ отрывкомъ Іоанна Болгарскаго въ рукописи XVI вѣка, приведенная нами выше, такъ и самый составъ и содержаніе этого отрывка. Частей слова принимается восемь: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, съузъ. Не указываетъ ли это исчисленіе частей рѣчи на слѣпое подражаніе Грамматикѣ Греческой, въ которой ученіе о именахъ прилагательныхъ естественно сливалось съ ученіемъ о существительныхъ по причинѣ чрезвычайнаго между ними сродства,—сродства, принявшаго совершенно иной видъ въ Грамматикѣ Церковно-Словенской, о чемъ впрочемъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно при разсмотрѣніи Грамматики Смотрицкаго. Въ склоненіи принимается пять падежей, подобно Греческому, правый, родный, виновный, дательный, звательный; ни о творительномъ, ни о предложномъ нѣтъ ни слова. Между тѣмъ существованіе ихъ въ древне-Словенскомъ языкѣ нисколько не сомнительно: и тотъ и другой непрестанно употреблялся и Болгарскими и Русскими и Сербскими писателями. Не служитъ ли это доказательствомъ того, что не Грамматика Іоанна Болгарскаго, но переводъ Кирилла и Меѳодія и навыкъ въ языкѣ были руководителями древне-Словенскихъ писателей. Падежъ родный или родительный единственнаго числа имѣетъ въ отрывкѣ Іоанна такую форму, какой никогда и ни у одного древняго писателя онъ не имѣлъ: человѣкъ—человѣковъ, жена—женина, естество—естествово. Очевидно это суть прилагательныя притяжательныя, которыя на Греческомъ языкѣ выражаются родительнымъ падежемъ; но на Словенскомъ они всегда составляли особенный классъ словъ

и ни одинъ писатель не сказалъ родительный падежъ слова *жена*—женина, ни даже самъ Іоаннъ Болгарскій. Винительный падежъ именъ мужескаго рода оканчивается у Іоанна на *а*; но древніе писатели наши всѣ тяготѣли къ тому, чтобы хранить его сходство съ именительнымъ. Въ ученіи о глаголѣ еще ярче открывается совершенное разногласіе Грамматики Іоанновой съ формами древне-Словенскаго языка: это множество наклоненій или *изложеній* (у Іоанна ихъ шесть), котораго мы напрасно стали бы искать въ древнихъ писателяхъ Словенскихъ, не доказываетъ ли, что они были совершенно незнакомы съ этими правилами; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ никогда не соображался съ ними. Времена размножены также не кстати: ясно, что тутъ рѣчь шла не о Словенскомъ, но о Греческомъ глаголѣ: гдѣ мы найдемъ у себя *настоящее, протяженное, неопредѣльное, напредидѣемое* и *предлежимое, помалѣ бывающее* и *будущее*? Болгарскій Грамматикъ говоритъ: напредидѣемое и предлежащее для языка непріятны; и Калайдовичъ заключаетъ изъ сего замѣчанія, что Іоаннъ писалъ грамматику Словенскаго языка; ибо это замѣчаніе будто бы прямо относится къ Церковно-Словенскому языку. Но почему же оно не можетъ относиться къ языку Греческому писателей Византійскихъ? Мы знаемъ, что аористы неопредѣльное) вытѣснили почти совершенно изъ языка imperfectum et plusqvamperfectum; отъ того Грамматикъ и говоритъ, что напредидѣемое (plusqvamperfectum) и предлежащее (imperfectum) непріятны для языка. Ибо назвавъ *біахся* протяженнымъ и *бихся* непредѣльнымъ Грамматикъ долженъ бы былъ сказать, что остальныя прошедшія времена *невозможны* для языка, а *не непріятны*, если бы только рѣчь шла о языкѣ Цер-

ковно-Словенскомъ. На основаніи сихъ данныхъ мы утверждаемъ о трудѣ Іоанна, что онъ вовсе не показываетъ претензіи на филологическое опредѣленіе свойствъ Церковно-Словенскаго языка, что онъ скорѣе относится къ языку Греческому, чѣмъ къ Словенскому, что наконецъ самое вѣроятное, что можемъ мы сказать о цѣли и назначеніи этого труда, есть то, что Іоаннъ, самъ затрудняясь при переводѣ съ Греческаго на Словенскій, и предвидя такія же затрудненія для другихъ, хотѣлъ дать руководство, какъ Греческія грамматическія формы могутъ быть передаваемы по Словенски. Съ этой точки зрѣнія намъ понятно и число падежей у Іоанна, и формы родительнаго единственнаго, и исчисленіе временъ. На эту мысль наводитъ насъ онъ самъ, когда въ своемъ прологѣ говоритъ: «молю же Вы, почитающаѧ книгъіи «сиꙗ, молиті Бг҃а за мꙗ грѣшника съ добромысльѥмь и «въниманиꙗ почитаниꙗ творити, и пращати мꙗ, идѣже «мнꙗще мꙗ различь гл҃ы преложыша: не бо равьнѣ сꙗ «можетъ присно полагати Ѥлинскъ ѧзыкъ въ инъ прелагаемъ; и всꙗкомоу ꙗзыкоу въ инъ прелагаемоу тоже «бываѥть. Еже имꙗ моужьско, то въ иномъ женьско, «ѧкоже се Греческъıи: ватрахос и потамос, Словѣньскъı: «жаба и рѣка; и пакъı: таласа, имера, анатоли Грьчьскъıи «женска имена, а Словѣньскъı моужьска море, дн҃ь, «въстокъ. Не бо есть льзѣ вьсьде смотрити Елиньска «гл҃а, нъ разоума ноуждѧ блюсти: придеть бо дроугоици «моужьско имѧ Грьчьскъı, а Словѣнскъı женьско, да «преложше моужьскомь именьмь, ꙗкоже лежить Грьчьскъı, «на великоу изказоу придеть прѣложеньѥ.» Такимъ—образомъ переложеніе съ Греческаго языка на Словенскій представляло весьма много затрудненій въ пору младенчества Словенской письменности. И потому весьма вѣ-

роятно, что Іоаннъ Болгарскій, по собственному опыту хорошо знакомый съ сими трудностями, хотѣлъ предложить руководство, какъ каждая форма Греческаго языка должна быть перелагаема по Словенски; и для обозрѣнія всѣхъ грамматическихъ формъ языка Греческаго избралъ въ руководство грамматическое сочиненіе Іоанна Дамаскина. Такимъ образомъ мы смотримъ со вниманіемъ на грамматическій отрывокъ Іоанна, какъ на одинъ изъ памятниковъ древняго языка, какъ на памятникъ благоразумной заботливости сочинителя о пособіи просвѣщенію; но въ то же время мы рѣшительно отказываемъ ему въ значеніи филологическомъ.

Почти тоже самое должно быть сказано касательно втораго сочиненія, названнаго Г. Зелепецкимъ между Словенскими Грамматиками. Львовская Грамматика 1591 года вышла въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго Еллинословенскаго языка. Совершеннаго искусства осьми частей слова. Къ наказанію многоименитому Россійскому роду. Въ Львовѣ. Въ друкарни братской. Року афча.* Уже самое заглавіе довольно вразумительно говоритъ, что главный предметъ, которому посвящено было вниманіе составлявшихъ сію Грамматику, былъ языкъ Еллинскій. Это было руководство для изученія Греческаго языка, для вящшей понятливости переложенное на Словенскій языкъ; это была Греческая Грамматика, объясненная по Словенски. И точно, разсмотрите содержаніе сей книги, и вы убѣдитесь, что о Словенской филологіи не было тутъ ни рѣчи, ни мысли, что эта Грамматика имѣетъ точно такое же право стоять между Грамматиками Словенскими, какое Нѣмецкія Грамматики Гольтергофа и Ульриха стоятъ между Грамматиками Русскими;

ибо и онѣ изложены на Русскомъ языкѣ, и въ нихъ Нѣмецкія формы склоненія и спряженія переданы формами Русскими. Если Львовскую Грамматику ставить между Грамматиками Словенскими, то придется помѣстить туда же цѣлый многочисленный строй Грамматикъ Греческихъ и Латинскихъ, писанныхъ для руководства Русскаго юношества. Львовская Грамматика имѣетъ полное и неоспоримое право на наше вниманіе въ настоящемъ случаѣ, но не какъ филологическое изслѣдованіе о Словенскомъ языкѣ, но какъ образецъ, *схема*, по которой строились всѣ послѣдующія Грамматики Словенскія до самаго Добровскаго. По Львовской Грамматикѣ обучалась Греческому языку наша молодежь; изъ нея почерпала она понятіе о грамматическихъ свойствахъ и принадлежностяхъ не только Греческаго, но и всякаго другаго языка. Свыкнувшись съ строемъ и грамматическими свойствами языка Греческаго, ученость наша никакъ не могла оторваться отъ сихъ понятій и невольно переносила ихъ въ ученіе о всякомъ другомъ языкѣ. Слѣдовательно мы должны разсмотрѣть упомянутую Грамматику за тѣмъ, что мы въ ней найдемъ объясненіе всего того, что вошло въ собственно-Словенскія Грамматики, будучи совершенно чуждо Словенскому языку.

Предлагаемъ краткое извлеченіе изъ сей Грамматики, объемлющее важнѣйшія части Грамматики, и достаточно объясняющее способъ языкоученія, котораго держались составители сей книги, и который перешелъ потомъ въ Грамматики Словенскія.

Περὶ διαιρέσεως τῶν γραμμάτων. Διαιροῦνται μὲν ταῦτα εἰς δύο· εἰς φωνήεντα καὶ εἰς σύμφωνα. Διαιροῦνται μὲν γὰρ καὶ τὰ ἑπτὰ φωνήεντα εἰς τρία· εἰς μακρὰ, εἰς βραχέα καὶ εἰς δίχρονα. Μακρὰ μὲν δύο·

η καὶ ω. Βραχέα δὲ δύο· ε καὶ ο. Δίχρονα δὲ τρία· α, ι καὶ υ. Σύμφωνα διαιροῦνται εἰς δύο· εἰς ἡμίφωνα καὶ ἄφωνα; ἡμίφωνα μὲν ὀκτώ· ζ, ξ, ψ, λ, μ, ν, ῥ, σ.

Λόγος ἐστὶ λέξεων σύνθεσις, διάνοιαν αὐτοτελῆ δηλοῦσα. Τούτου δὲ μέρη ὀκτώ· ἄρθρον, ὄνομα, ἀντωνυμία, ῥῆμα, μετοχὴ, πρόθεσις, ἐπιῤῥῆμα, συνδεσμός. Τούτων κλιτὰ μὲν πέντε. Ἄκλιτα δὲ τρία.

Ἄρθρου τὰ μὲν προτακτικὰ, οἷον ὁ, ἡ, τὸ, τὰ δὲ ὑποτακτικὰ, οἷον ὅς, ἥ, ὅ. Παρέπεται δὲ αὐτῷ τρία, γένος, ἀριθμὸς, πτῶσις.

Παρέπεται δὲ τῷ ὀνόματι ἕξ· γένος, σχῆμα, πτῶσις, εἶδος, ἀριθμὸς, κλίσις. Γένη μὲν πέντε· ἀρσενικὸν, θηλυκὸν, οὐδέτερον, κοινὸν, ἐπίκοινον, ὅπερ μίᾳ φωνῇ καὶ ἑνὶ ἄρθρῳ δηλοῖ τὰ δύο γένη· ὁ ἀετὸς, καὶ ἡ χελιδών.

Περὶ διαιρέσεως τῶν ὀνομάτων.

Τῶν ὀνομάτων τὰ μὲν κλίνονται ἰσοσυλλάβως· οἷον Αἰνείας, Αἰνείου· Τὰ δὲ περιττοσύλλαβα, οἷον Αἴας, Αἴαντος. Καὶ τὰ μὲν ἰσοσύλλαβα κλίνονται τετραχῶς. Τὰ δὲ περιττοσύλλαβα μοναχῶς. Διὸ καὶ πέντε κλίσεις εἰσίν. — Πρώτη κλίσις ἐστὶ τῶν ἰσοσυλλάβων ἀρσενικῶν ὀνομάτων, ληγόντων εἰς ας καὶ εἰς ης.

Δευτέρα κλίσις ἐστὶ τῶν ἰσοσυλλάβων θηλυκῶν ὀνομάτων, ληγόντων εἰς α καὶ εἰς η. Τρίτη κλίσις ἐστὶ τῶν ἰσοσυλλάβων ἀρσενικῶν καὶ θηλυκῶν καὶ κοινῶν ὀνομάτων, ἀττικῶς ληγόντων εἰς ως καὶ οὐδετέρων εἰς ων. Τετάρτη κλίσις ἐστὶ τῶν ἰσοσυλλάβων, ἀρσενικῶν καὶ θηλυκῶν, κοινῶν καὶ ἐπικοίνων ὀνομάτων, ληγόντων εἰς ος καὶ οὐδετέρων εἰς ον.

Εἴδη τῆς ἀντωνυμίας ἐστὶ πέντε· τὸ μὲν πρωτότυπον, τὸ δὲ κτητικὸν, τὸ δὲ δεικτικὸν, τὸ δὲ ἀναφορικὸν, τὸ δὲ συνθετόν.

Ῥῆμα ἐστὶ μέρος λόγου κλιτὸν, μετὰ διαφόρων

χρόνφν, ἐνέργειαν ἢ πάθος, ἢ οὐδέτερόν τι σημαῖνον. Παρέπεται δὲ αὐτῷ ὀκτώ· ἔγκλισις, γένος, εἶτα διάθεσις, εἶδος, σχῆμα, ἀριθμὸς, πρόσωπον, χρόνος καὶ συζυγία.

Ἔγκλίσεις εἰσὶ πέντε· ὁριστικὴ, προστακτικὴ, εὐκτικὴ, ὑποτακτικὴ, ἀπαρέμφατος. Γένη μέν ἐστι πέντε· ἐνεργητικὸν, παθητικὸν, οὐδέτερον, κοινὸν, ἀποθετικόν. Χρόνοι δὲ ἕξ· ἐνεστὼς, παρατακτικὸς, παρακείμενος, ὑπερσυντελικὸς, ἀόριστος, μέλλων.

Προσῳδία ἐστὶ τάξις ἐγγραμμάτων φωνῆς, ἢ τόνος, πρὸς ὃν ᾄδομεν. — Εἰσὶ δὲ προσῳδίαι δέκα· ὀξεῖα, βαρεῖα, περισπωμένη, μακρὰ —, βραχεῖα ˘, δασεῖα ῾, ψιλὴ ᾽, ἀπόστροφος ᾽, ὑφὲν ‿, καὶ ὑποδιαστολή ,. Διαιρεῖται δὲ ἡ προσῳδία εἰς τέσσαρα· εἰς τόνους, εἰς χρόνους, εἰς πνεύματα καὶ εἰς πάθη. Τόνοι μέν εισι τρεῖς.

Τριῶν γοῦν τόπων τῆς ὀξείας ὄντων· ληγούσης, παραληγούσης, προπαραληγούσης, ὀξύνεται μὲν ἀεὶ ἡ λήγουσα, βραχεῖα οὖσα. Ἡ δὲ παραλήγουσα ὀξύνεται ὅταν ἢ αὐτὴ βραχεῖα ἢ καὶ ἡ ληγούσα; — ἢ αὐτή τε μακρὰ καὶ ἡ λήγουσα; — ἢ αὐτὴ μὲν βραχεῖα, ἡ λήγουσα δὲ μακρά.

3) Книга Лаврентія Зизанія замѣчательна для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ потому, что была первою Грамматикою собственно Словенскаго языка, во 2-хъ потому, что она нынѣ стала чрезвычайно рѣдка. Она вышла въ 1596 году, будучи вѣроятно вызвана примѣромъ Грамматики Львовской, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Грамматіка Словенска съставленна Лаврентіемъ Зизаніемъ.* Наводненная въ высшей степени Полонизмами, составленная по памятникамъ обезображеннаго Церковно-Словенскаго языка, съ видимымъ стремленіемъ приблизиться къ составу Грамматики Греческой, она не требуетъ отъ насъ даже критическаго раз-

бора. Мы ограничимся только изложеніемъ ея состава, ибо она сама себя судитъ; притомъ же многія чёрты Грамматики Зизанія повторились въ Грамматикѣ Смотрицкаго, которая, и по своему внутреннему достоинству, и по своему вліянію, стоитъ несравненно выше Грамматики Зизаніевой; и потому будетъ разобрана нами подробно.

Грамматика Зизанія расположена по *вопросамъ* и *отвѣтамъ*; почти къ каждому отвѣту присовокуплено *толкованіе*, содержащее или переводъ греческихъ терминовъ, въ отвѣтъ взошедшихъ, или аллегорическое объясненіе мысли отвѣта. За тѣмъ обыкновенно слѣдуетъ *сущее*. Это—раздѣленіе какаго нибудь грамматическаго понятія. Къ Грамматикѣ присовокуплено толкованіе молитвы Господней, написанное языкомъ Западной Руси того времени, языкомъ, преисполненнымъ Польскаго вліянія. За тѣмъ слѣдуетъ «*Лексисъ*, сирѣчь рѣченія вькратцѣ събранны, и изъ Словенскаго языка на простый Русскій діалектъ истолкованны.»

Грамматика Зизанія по обще-принятой манерѣ дѣлится на 4 части: «*орфографію* или правописаніе, *просодію* или припѣло, *этимологію* или истинословіе и *синтаксисъ* или сочиненіе.»

«Ороографіѧ есть вѣдѣніе письмена право писати.» Письменъ въ Словенскомъ алфавитѣ Зизаній насчитываетъ 37. Тамъ нѣтъ ни ѣ, ни ѥ, ни ѕ. Мѣсто сего послѣдняго заступаетъ ѧ. Далѣе буквы раздѣляются на *гласныя* и *согласныя*. Первыя еще подраздѣляются на *долгія*, *короткія* и *двоевременныя*. Между согласными стоятъ ъ и ь. Объ нихъ говоритъ Зизаній, что они бываютъ и гласными и согласными. «Егда бываетъ въ «началѣ реченія слогъ, тогда ъ гласная случается; яко

«съ человѣки. Егда же въ концѣ реченія, тогда согласный есть, яко гласъ.» Согласныя весьма справедливо подраздѣляются на простыя и сугубыя. Б, в, д, ж, и т. п. суть простыя з, ξ, щ, ψ, суть сугубыя или двойныя.

Въ заключеніе орфографіи говорится о дифтонгахъ, коими почитаются ѳ, ы, ю, ѣ.

Просодія разсуждаетъ о знакахъ надстрочныхъ: такихъ знаковъ Зизаній считаетъ шесть: *οξία варія, облеченная, кроткая, долгая* и *краткая*. За тѣмъ излагаются правила о томъ, гдѣ какой надстрочный знакъ имѣетъ мѣсто. Для *оксіи* или острой назначаются четыре, считая отъ конца, слога: *кончаемый, предъкончаемый, пропредъкончаемый* и *предъпропредъкончаемый*. Для варіи назначается одинъ *кончаемый* слогъ; и для облеченной два: *кончаемый* и *предъкончаемый*. Далѣе говорится о *титлѣ* и о *точкахъ*, коихъ насчитывается *шесть*: запятая, срока (малая точка, въ древнѣйшихъ рукописяхъ единственный знакъ препинанія, ставившійся обыкновенно не въ низу, и не въ верху, но на срединѣ строки), двосрочіе: подстолія, съединительная и точка.

Етимологія, послѣ обыкновенныхъ опредѣленій, исчисляетъ *виды слова* или части рѣчи. У Зизанія ихъ восемь: *различіе, имя, мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе* и *съюзъ*. *Различіемъ* или членомъ почитается относительное мѣстоименіе *иже, яже, еже*. Имя раздѣляется напередъ на собственное и нарицательное, а за тѣмъ сіе послѣднее на *существенное* и *прилагаемое*. Принадлежностей имени 7: *разсужденіе* (сравненіе), *родъ, видъ, число, начертаніе, падежъ* и *склоненіе*. Степеней разсужденія три: *положенный, разсужденный* и *превышшій*. Разсужденіе бываетъ *подобоначертательное* (правильное) и *стропотное*.

Вотъ примѣры стропотнаго или неправильнаго разсужденія:

благій, лучшій, преблагій
малъ, мнiй, мнѣшій.
меньшій, наименьшій.
золъ злѣйшій, паче злѣше.
горшій, наигоршій.

На это мы замѣтимъ, что *лучшій* есть новѣйшая форма сравнительной степени отъ благій; тоже должно сказать о злѣйшій и меньшій. Потомъ-окончаніе сравнительной степени на *шіи* есть также новость, незнакомая первоначальному языку. И наконецъ *паче злъше* есть форма незнакомая рѣшительно никакому языку; ибо это есть форма, лишенная логическаго смысла.

Родовъ принимается четыре: мужескій, женскій, средній и общій. Падежей принимается шесть: именовный, родный, дательный, творительный, винительный и звательный. Предложнаго у Зизанія нѣтъ: онъ сопоставленъ съ дательнымъ, и это сопоставленіе было причиною того, что Зизаній въ ученіи о склоненіяхъ былъ принужденъ во всѣхъ образцахъ означать двоякій дательный падежъ, одинъ настоящій дательный, другой, соотвѣтствующій нашему предложному. Конечно въ Словенскомъ языкѣ много есть словъ, въ коихъ дательный сходенъ съ предложнымъ, но тѣмъ не менѣе есть также цѣлые многочисленные классы словъ, въ коихъ предложный падежъ отличается отъ дательнаго, какъ окончаніемъ, такъ и предшествующею окончанію согласною буквою; человѣкоу, о человѣцѣ. «*Склоненій*» Зизаній различаетъ 10. Трудно понять начало, коимъ руководился Зизаній въ исчисленіи склоненій и распредѣленіи по онымъ словъ. Мы ограничимся показаніемъ окончаній,

каждому склоненію присвоенныхъ; ибо всякій самъ легко усмотритъ, что окончанія словъ въ XVI вѣкѣ были уже значительно измѣнены, и что Зизаній былъ незнакомъ съ древнѣйшими памятниками Церковно-Словенскаго языка, изъ коихъ можно было бы извлечь настоящія, собственныя Церковно-Словенскія окончанія:

1-е склоненіе на ъ имена муж. рода Бгъ, чл҃къ и т. п.

2. ——— — ъ и ь имена женск. рода нощъ, кость

3. ——— — *а*, о, ѧ — средн. рода съ наращеніемъ небо, отроча, времѧ.

4. ——— — а имена женскаго рода: лѹка дѣва (Двойств. Именительный неправильно: *дѣва*).

5. ——— — *а* и ѧ мужескаго, женскаго и общаго пѧница (Двойственное число пѧницѧ и ѣ неправильно; это есть собственно множественное число. Двойственное число должно быть на *и*).

6. ——— — ъ, ь мужескаго рода, на є средняго рода. Сѣверъ, Сѣверѧ, конь, ѧ.

7. ——— — прилагательныя мужескаго и средняго рода. (Множественнаго именительный *святыи* неправильно; *Святіи* должно быть сказано).

8. ——— — *и*, ѧ и на ъ женскаго рода мати (Двойственное неправильно матерѧ) святаѧ, дщеръ (также неправильность въ двойственномъ).

9. ——— —неизвѣстныхъ именъ, кончащихся на *а* уста.

10. ——— — мужескія имена на *ой*, *е*, *ей*. Ной, іерей.

Какая система была тутъ наблюдаема, и даже была ли хоть какая нибудь наблюдаема, это трудно разрѣ-

шить. Неправильностей много; двойственное число въ особенности страдаетъ ими. Видно, что двойственное число было особенностью Церковно-Словенскаго языка, чуждою генію Русскому. Оттого Русскіе весьма скоро стали сбиваться въ употребленіи его, точно также, какъ они уже рано сбивались въ употребленіи, чуждыхъ имъ носовыхъ звуковъ.

Пропуская главу о мѣстоименіи, которая не представляетъ никакихъ особенныхъ уклоненій, кромѣ непониманія формъ его, ємоу, имь, о имъ, мы переходимъ прямо къ разсмотрѣнію глагола. Мы разсмотримъ слѣдующія 4, наиболѣе важныя, принадлежности глагола: залогъ, образъ, (наклоненіе, modus) время и супружество (conjugatio, спряженіе). «Залоговъ естъ пять «дѣлательны, страдательны, средній, посредственны и «общій. Дѣлательны залогъ есть, иже дѣланіе значитъ. «Страдательный залогъ, есть, иже страданіе значитъ, «яко учусѧ, сѣкусѧ и т. д. Средній залогъ есть, иже «ниже дѣланіе значитъ, ниже страданіе, но посредственно «нѣчто. Начертаніе же дѣлательнаго имать непреложное «въ страдательное. Посредственны залогъ есть, иже «начертаніе страдательнаго имать, а значеніе же близь «образа, являющаго дѣланіе или страданіе, яко пекусѧ, «тщусѧ, боюсѧ и проч. Общій залогъ есть, іже начертаніе имать страдательнаго, значеніе же съдержитъ дѣла«тельнаго и страдательнаго, яко учуся грамматики, учу«ся отъ дидаскала».

«Образи есть четыре: изъявительный или оуказа«тельный, повелительный. желательный имѣти или мо«литвенный, неопредѣльный или не явный.

Временъ Зизаній исчисляетъ шесть: настоящее, мимошедшее, протяженное, пресовершенное, неопредѣльное,

будущее (Praesens, perfectum, imperfectum, plusqvamperfectum, aoristos, futurum) Супружествъ два: первое и второе. Признакъ, по которому дѣлается различеніе спряженій, въ высшей степени ненадежный и нерѣшительный: это первое лице единственнаго числа настоящаго времени. Спряженіе переполнено новѣйшими выдумками и насиліями языку. Въ доказательство этого приводимъ слѣдующееe: Молитвенное наклоненіе (optativus), по образцу Грамматики Греческой, составляется для всѣхъ временъ; оттого сочиняются новыя небывалыя формы: да являю, да явилъ быхъ, да бы являхъ, дабы являахъ, да явлю. Послѣ спряженій говорится о предлозѣ, нарѣчіи, союзѣ; за тѣмъ предлагаются законы орфографіи и особая глава о *ироическомъ метрѣ*, о *элегическомъ метрѣ*, о *Іамвическомъ метрѣ*. За тѣмъ толкованіе молитвы Господней, изъ котораго мы выписываемъ нѣсколько строкъ, чтобы дать понятіе о состояніи Русскаго языка на Западѣ Руси въ XVI и XVII столѣтіяхъ. «Отче нашъ їже еси на нб҃сѣхъ. Въ той точцѣ замыкается пять рѣчій. Першая, кгды мовимѡ отче Тымъся оупевняемѡ, же боудемъ высл҃оухани, поневажъ оц҃а просимѡ. А другая въ томъ же словѣ отче замыкается, ижъ пристоитъ быти сыновѝ такимъ, якій его оц҃ь нб҃сный, то есть милосердымъ, благоподатливымъ, добродѣтельнымъ, а-быса не ѡказалъ негодным такового сродства. А третяя рѣчь, кгды мовимѡ нашъ тое значитъ ижъ есми всѣ братя. Про то не о самомъ толко себѣ пристоитъ молитися бу҃ и старатися, але ѡ братіяхъ. А четвертая рѣчь въ томъ же словѣ нашъ замыкается, ижъ всѣ маемѡ единъ за-ровны и тотъже титулъ и шляхетство небесное.»

Итакъ общій выводъ изъ всего нашего разсмот-

рѣнія есть тотъ, что до Мелетія Смотрицкаго, не было ни одного сочиненія, которое имѣло бы хотя какое нибудь право назваться Грамматикою Словенскаго языка: трудъ Іоанна Болгарскаго и по цѣли и по исполненію вовсе не есть Грамматика Словенскаго языка, но руководство для перевода съ Греческаго на Словенскій. Сочиненіе Львовскихъ студентовъ есть учебникъ Еллинскаго языка, изложенный по Словенски. И наконецъ книга Лаврентія Зизанія, хотя по своему заглавію и намѣренію Автора и есть Грамматика Словенскаго языка; но какъ пріемъ, употребленный сочинителемъ въ семъ дѣлѣ, такъ и исполненіе отнимаютъ у нея всякое право на подобное названіе.

Грамматика, составленная Мелетіемъ Смотрицкимъ, сперва Іеромонахомъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря, а послѣ того Уніатскимъ Епископомъ въ Полоцкѣ, по своей обширности, и ученой, хотя нечистой, славѣ Автора, долгое время пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Она была руководствомъ въ нашихъ школахъ; по ней учились тѣ, которые потомъ сами воздѣлывали Церковно - Словенскій языкъ. Первоначально бывъ издана въ 1619 году въ Евю, потомъ въ 1629 году, она уже въ 1648 году была напечатана въ Москвѣ третьимъ изданіемъ, по повелѣнію самаго Алексія Михайловича, по благословенію Святѣйшаго Патріарха Іосифа, какъ все это подробно означено въ послѣсловіи, припечатанномъ на концѣ къ Московскому изданію. Ею руководились позднѣйшіе составители Грамматикъ, не только Славянскихъ, какъ напр. Поликарповъ (1721) и Максимовъ (1723), но и Русскихъ, какъ напр. Ломоносовъ. Вліяніе ея не ограничивалось одною Русью, но простиралось и за предѣлы ея: *Мятвьи Совичь* пере-

велъ ее на Латинскій языкъ, для употребленія Далматовъ. *Мразовичь* пользовался ею, когда составлялъ руководство къ Славянстѣй грамматицѣ для Сербскихъ училищь; и наконецъ чтеніе оной непрестанно сопровождало ученые труды *Добровскаго*. Такимъ образомъ книга Смотрицкаго является воспитательницею цѣлаго поколѣнія въ отношеніи къ Церковно-Словенскому языку, родоначальницею цѣлаго семейства Грамматикъ. Все это взятое вмѣстѣ, заставляетъ насъ обратить особенное вниманіе на эту книгу; ибо существенныя черты ея съ малыми оттѣнками повторятся и во всѣхъ послѣдующихъ Грамматикахъ до самаго Добровскаго, который въ свою очередь также сдѣлался сильнымъ Авторитетомъ для всѣхъ, филологически изучавшихъ Церковно-Славянскій языкъ. Съ удивленіемъ прочли мы у Добровскаго въ предисловіи къ его Грамматикѣ, будто бы Смотрицкій, въ предисловіи къ своей Грамматикѣ на простонародномъ нарѣчіи, призываетъ къ изученію письменнаго языка Словенскаго, какъ природнаго Церкви Греко-Россійской. Ни такаго, ни какаго инаго предисловія не нашли мы въ первомъ изданіи, хотя и сличили нѣсколько экземпляровъ. Въ третьемъ Московскомъ изданіи, которое впрочемъ, неизвѣстно почему, Добровскій отдѣляетъ отъ имени Смотрицкаго, есть предисловіе, но оно 1) писано не простонароднымъ языкомъ, 2) въ немъ со всѣмъ изысканнымъ краснорѣчіемъ того времени показывается польза и высокая важность Грамматики, показывается на основаніи того, что Грамматикою занимались знаменитѣйшіе изъ Отцевъ Церкви, что она принадлежала къ числу septem artium liberalium.

По общепринятой манерѣ Грамматикъ Греческихъ и Латинскихъ того времени, Смотрицкій раздѣляетъ свою

Словенскую Грамматику на 4 части: орѳографію, этимологію, синтаксисъ и просодію. Въ каждой изъ сихъ частей Смотрицкій явно обнаружилъ, съ одной стороны слѣпую рабскую привязанность къ грамматическимъ свойствамъ древнеклассическихъ языковъ, но съ другой весьма мѣткое пониманіе нѣкоторыхъ особенныхъ свойствъ языка, къ сожалѣнію, не настоящаго Церковно-Словенскаго, но уже позднѣйшаго, искаженнаго. Разсмотрѣніе Грамматики Смотрицкаго убѣдитъ насъ, что до Добровскаго, Смотрицкій былъ самымъ умнымъ или, по крайней мѣрѣ остроумнымъ изслѣдователемъ Словенскаго языка. Начнемъ съ орфографіи. «Орѳографія трое въ себѣ со-«держитъ: Єстество письменъ, оудареніе гласа, препи-«наніе словесъ.» — Составъ первой части Грамматики точь въ точь тотъ самый, какъ въ Грамматикѣ Греческой. Здѣсь Смотрицкій со своею полнотою высказываетъ свой взглядъ на природу Словенскаго языка. Во 1-хъ онъ выщитываетъ буквы Словенскаго языка и число ихъ сокращаетъ до 40. Оно и не мудрено: звуки носовые онъ совершенно изключаетъ изъ азбуки, какъ звуки особенные, отождествляя ихъ съ обыкновенными гласными: *ю* или ѫ, и или ѧ. Всѣ буквы или *письмена* онъ раздѣляетъ на гласныя и согласныя: ъ и ь стоятъ между гласными. Но если Смотрицкій, въ угоду общей манерѣ Грамматикъ Греческихъ, всѣ письмена раздѣлилъ на два класса, то въ тоже время при опредѣленіи природы $ъ^{а}$ и $ь^{я}$ обнаружилъ замѣчательное прозрѣніе въ природу Словенскихъ звуковъ. Онъ раздѣлилъ гласныя на *самогласныя* и *припряжногласныя*, разумѣя подъ симъ послѣднимъ именемъ ъ и ь. Опредѣляя природу ихъ, онъ прямо сказалъ, что они сами по себѣ не выражаютъ никакаго звука, но стоя послѣ согласныхъ

опредѣляютъ твердый или мягкій характеръ ихъ выговора. Смотрицкій не досказалъ, что ъ и ь и при гласныхъ исполняютъ туже должность, только стоя или подразумѣваясь *предъ* ними. Но во всякомъ случаѣ мысль Смотрицкаго о назначеніи ъ и ь, и названіе, которое онъ для нихъ придумалъ, несравненно удачнѣе попытокъ всѣхъ новѣйшихъ Грамматиковъ, выразить техническимъ терминомъ природу и назначеніе сихъ письменъ. Называли ихъ и полугласными, называли и безгласными; и тѣмъ самымъ ясно показывали, что не имѣли яснаго представленія о природѣ сихъ начертаній, и изобрѣтаемыми названіями хотѣли лишь отдѣлаться отъ своей обязанности. Только лишь *Отецъ Павскій*, воспользовавшись ли неполною еще мыслью Смотрицкаго, которая ему была извѣстна, или собственнымъ испытаніемъ, опредѣлилъ съ неукоризненною полнотою и основательностью природу и назначеніе ъ^{а} и ь^{а} въ Русскомъ языкѣ.

Вслѣдъ за этимъ удачнымъ, мѣткимъ взглядомъ на одинъ изъ затруднительнѣйшихъ пунктовъ въ Словенской Филологіи, Смотрицкій сильно разочаровываетъ насъ, пускаясь въ разсужденія, очевидно вызванныя безразсуднымъ желаніемъ перенести въ Словенскую Грамматику всѣ особенности языковъ древнеклассическихъ: самъ знаетъ и видитъ, что раздѣленіе гласныхъ по количеству (qvantitate), господствующее въ Грамматикѣ Греческой и Римской, никакимъ образомъ пейдетъ къ языку Словенскому, тѣмъ не менѣе, на основаніи какого-то сродства, *приискренности*, какъ онъ выражается, между Греческими и Словенскими письменами, онъ хочетъ ввести и въ нашу Грамматику раздѣленіе гласныхъ на долгія, короткія и двоевременныя: «Раздѣлѧемъ гласнаѧ «на трое, на долгаѧ, краткаѧ и двоевременнаѧ:

Долгая суть и, ѣ, ѡ.
Краткая є, о.
Двоевременная — а, ї, ѵ.

Вспомнимъ правила просодіи Греческой; и мы ясно увидимъ въ этомъ раздѣленіи очевидное стараніе скроить Грамматику Словенскую на манеръ Греческой.

Чѣмъ инымъ, какъ не слѣпымъ послѣдованіемъ Грамматикѣ Греческой, можно объяснить себѣ то, что Смотрицкій нашелъ въ Словенскомъ языкѣ *письмена двогласныя*, по настоящему, совершенно чуждыя природѣ Словенскаго языка. Неужели мы будемъ почитать двугласною ꙗ, когда собственно это есть *а*, умягченное тонкимъ, поставленнымъ предъ нимъ придыханіемъ? Если ꙗ считать двугласною, то за чѣмъ не считать ею *а;* ибо собственно это есть не просто а, но ъа; зачѣмъ не считать двугласною, каждую безъ исключенія гласную букву; ибо каждая имѣетъ предъ собою твердое или мягкое придыханіе, написанное или только подразумѣваемое? Но если въ Греческомъ и Латинскомъ языкѣ были diphthonga, то какъ же не быть имъ и въ Словенскомъ; и вотъ въ силу этого начала всѣ ѥ, ѧ, ю, оу, ай, ой и даже ѫ попали въ классъ двугласныхъ. Тѣ, у которыхъ придыханіе стоитъ напереди, отличены именемъ *свойственныхъ;* а тѣ, у которыхъ оно присовокуплено къ гласной позади, названы *несвойственными.* Никакъ не поймешь, что Смотрицкій хотѣлъ выразить этими словами. Ученіе о двугласныхъ яснѣе всего показываетъ, какъ плохо понималъ Смотрицкій отношенія ъ и ь къ звукамъ гласнымъ.

Вслѣдъ за ученіемъ о природѣ двугласныхъ, начинается ученіе о ихъ просодическомъ количествѣ (de qvantitate). «Двогласная письмена трегоуба соуть: дол-

«гласныя, краткая и общая». Переходимъ къ согласнымъ: «Согласная, ова полгласная, ова безгласная; полгласна «соуть: ж, з, л, м, н, р, с, ц, ч, ш, щ, ξ, ψ, безгласна «соуть: б, в, г, д, к, п, т, ф, х, θ.» Нельзя не согласиться съ этимъ различеніемъ, основаннымъ на пониманіи природы звуковъ, на воспріятіи ихъ фоническаго отношенія. Конечно поводъ къ этому различенію Смотрицкій могъ найти въ Грамматикѣ Греческой и Латинской, гдѣ буквы l, m, n, r, составляя особый классъ, отличались особымъ именемъ ὑγρὰ, *ligvidae;* но онъ значительно расширилъ этотъ классъ буквъ, и расширилъ его совершенно справедливо. Различеніе, имъ сдѣланное, не только вполнѣ основательно, но и чрезвычайно важно для ученія о грамматическихъ формахъ, въ особенности о склоненіи, хотя впрочемъ самъ Смотрицкій не понималъ этой важности, и не воспользовался своею догадкою.

За тѣмъ, слѣдуя обычному своему порядку, Смотрицкій вдается въ разсмотрѣніе согласныхъ буквъ, очевидно вызванное примѣромъ Грамматики Греческой. «Согласная суть ова измѣняемая: ж, г, к, х, ц, ж, г, ш.» Еще этотъ членъ раздѣленія имѣетъ значеніе, и значеніе важное въ ученіи о Словенскомъ языкѣ и, если его можно упрекнуть, то только въ неполнотѣ; ибо если Авторъ думалъ исчислить всѣ звуки, взаимно другъ на друга измѣняющіеся, то почему пропустилъ з, с, т? — О *щ* мы уже не говоримъ; потому, что его Смотрицкій почитаетъ рѣшительно не нужнымъ въ Словенскомъ алфавитѣ. Но что вы будете дѣлать въ Словенской Грамматикѣ съ слѣдующими членами дѣленія: «Согласная соуть: ова обоящающая: б, в, г, д, т, к, п, с, х, ц, сице рѣченная, яко въ мѣрѣ стихотворнаго художества,

таемымъ предпряжена, предыдущь слогъ, естествомъ кратокъ, обоящаютъ, спрѣчь общь творятъ.

Ова таемая: л, м, н, р., сице речепна, яко въ томъ же реченіи обоящающимъ припряженна, таютъ, си есть слогъ естествомъ кратокъ обоящаютъ.

ова сѫгоубаѧ: з, ѯ, ѱ.

ова сѫгоубствующаѧ: ж, ч, ш, щ, яко въ количествѣ стихотворномъ сѫгоубыхъ силу притяжутъ».

Нужно ли произносить сужденіе надъ этими пустыми, ни къ чему не служащими тонкостями? — Нужно ли говорить, что онѣ были порожденіемъ какаго-то каприза мысли, пожелавшей во что бы то ни стало натянуть Словенскую Грамматику на строй грамматическихъ формъ древнеклассическихъ языковъ. Объ этомъ страшномъ направленіи сожалѣемъ тѣмъ болѣе, что послѣдній членъ дѣленія явно обнаруживаетъ въ Авторѣ мысль свѣтлую и сильную, которая легко проникала въ существо дѣла, когда не было руководима какимъ либо предразсудочнымъ мнѣніемъ. «Ова согласная соуть страшнаѧ: г, ѕ, ф, ѯ, ѱ, ѳ, сице реченвая, яко отъ Грековъ привзята, Словенску языку кромѣ спхъ состояти могущу.» — Не знаемъ, чѣмъ думалъ замѣнить г и ф Смотрицкій, изгоняя ихъ изъ Словенскаго алфавита, но что касается до ѕ, ѯ, ѱ, и ѳ, то онъ совершенно справедливо назвалъ ихъ странными: потому, что это дѣйствительно пришлецы, явившіеся у насъ совсѣмъ не по требованію нашей собственной внутренней потребности.

Какъ все предъидущее разсмотрѣніе наше явно утверждало ту мысль, что главною помѣхою Смотрицкому была излишняя, рабская привязанность къ законамъ, представляемымъ Грамматикою Греческою, такъ и все слѣдующее отдѣленіе объ употребленіи буквъ ясно утвер-

ждаетъ ту мысль, что Смотрицкій незнакомъ былъ съ древними подлинными памятниками языка Словенскаго, но опирался на памятникахъ обезображеннаго, искаженнаго языка своего времени. Стоитъ только прочесть слѣдующія правила, чтобы убѣдиться въ томъ: правило второе. о Є и є. Они употребляются чаще всего для различія именительнаго падежа единственнаго числа отъ родительнаго множественнаго. Въ единственномъ пишется малое є, во множественномъ Є. Древній языкъ не зналъ такихъ различеній; будучи простъ и правиленъ, не вводилъ лишнихъ буквъ, будучи и безъ того богатъ ими. Это—ухищреніе позднѣйшаго времени, когда черезъ чуръ догадливое остроуміе припялось помогать ясности и правильности языка, припялось сглаживать его существенныя черты, наводняя его совершенно лишними, ему несвойственными прибавленіями. Послушайте только, что говоритъ Смотрицкій о ѫ и ѧ, и вамъ станетъ понятно, что Смотрицкій рѣшительно не понималъ того значенія, которые эти важные и необходимые звуки имѣли въ древнемъ языкѣ.

«Правило осьмое ѡ ѫ; сего обыкоша употребляти «людіе Сербстіи и Волохове вмѣсто у и ю; обаче и «нашими писцами въ нѣкіихъ рѣченіяхъ пишемь бѣ: яко «бѫду, ѫтроба, рѫки.»

«Правило девятое ѡ ѧ. ѧ пишется въ средѣ и на «концѣ; свойственно же ей множество значити; паче же «въ женскомъ родѣ, а въ началѣ токмо въ единомъ отъ «именъ, идѣже глаголется оудъ тѣлесный ѧзыкъ.» Очевидно, что Смотрицкій не понималъ значенія и назначенія сихъ начертаній въ Словенскомъ алфавитѣ; они очевидно казались ему лишними, и только по какой-то непонятной умѣренности, онъ не отмѣтилъ и ихъ именемъ

странныхъ. Довольно впрочемъ уже и того, что въ исчисленіи буквъ онъ сказалъ «*ю* или ѫ, ѧ или ѧ; это «*или*» осудило ихъ на изгнаніе изъ Словенской Грамматики. Чѣмъ инымъ объяснить этотъ важный промахъ, какъ не тѣмъ, что Смотрицкій не видалъ памятниковъ настоящаго, древняго Церковно-Словенскаго языка, въ коихъ упомянутымъ буквамъ отдается должная справедливость, въ коихъ онѣ необходимы и непзбѣжны. Чтобы довершить свое убѣжденіе объ этомъ предметѣ, стоитъ только прочесть еще правило касательно о и ѡ. Первое присвоено творительному падежу единственнаго числа, а второе дательному множественнаго, въ случаѣ сходства съ первымъ. Нѣтъ, не такъ поступалъ древній языкъ: творительный оканчивался на *ъмь*, дательный на *омъ*.

Въ Греческомъ языкѣ были ударенія, придыханія и другіе надстрочные знаки, созданные позднѣйшими Грамматиками; эти знаки были вызваны необходимостью ясно отмѣтить столь важное въ Греческомъ языкѣ различіе между коротким и долгими слогами. Этой необходимости вовсе не существовало въ Церковно-Словенскомъ языкѣ; потому, что не существовало ни долгихъ, ни краткихъ естествомъ слоговъ; въ Церковно-Словенскомъ языкѣ выговоръ слога, долгій или короткій, опредѣлялся удареніемъ голоса, которое всегда было единообразно, и всегда производило одинаковый результатъ. Не смотря на то Смотрицкій обременилъ Словенскую Грамматику всѣмъ многочисленнымъ причтомъ Греческихъ ударенiй, сдѣлавъ паспльственное различіе между долгими, краткими и общими слогами, Смотрицкій цѣликомъ перенесъ изъ Греческой Грамматики всѣ правила объ удареніяхъ, распространивъ ихъ тамъ, гдѣ того требовала особенная природа языка Словенскаго.

«Просодіѧ орѳографійны соуть осмь: *ὀξιά* или острая «варіѧ или тяжкая, периспомена или облеченнаѧ, исо или «иссо, слитнаѧ или краткая; кроткаѧ или топкаѧ или «звательце ᾽, ерокъ ̓, апострофъ ᾽.»

«Оударенія соуть три: остраѧ, тѧжкаѧ и облечен- «наѧ. Острыя мѣста соуть шесть: сирѣчь слогъ

кончаемый,
прекончаемый,
пропрекончаемый,
предъкончаемый,
пропредъкончаемый,
непревосходный.

«Правило слога кончаемаго: слогъ кончаемый крат- «кій и реченія единосложна краткая или положеніемъ «долгаѧ, изостряются, яко́ лице́, мое́, бо́, се́, челомъ. «Надъ краткимъ бо тяжкое или облеченное не пола- «гается.

«Прекончаемый кратокъ соушь и кончаемый кратокъ «имоущь изостряется. Сло́во, не́бо, мо́ре. Или копчаемый «оубо долгъ, прекончаемыйже кратокъ; но́вый. На всѣхъ «вышшихъ слогахъ полагается всегда острое ударепіе.

«Мѣсто варіи или тяжкія есть едино сирѣчь слогъ «кончаемый, естествомъ долгій, чистый, яко ѕѣлѡ, чти, «два́, три́.

«Мѣста облеченныя соуть два́; слогъ кончаемый и «прекончаемый. Прекончаемый слогъ естествомъ долгій «*ы* и *ъ* состоящій, кончаемый естествомъ кратокъ естемъ »или ономъ состоящь, имоущій, облачится, яко Дѣко, «сы҃не, сі҃лъ.»

Даже положеніе о частицахъ энклитическихъ нашло себѣ пріютъ въ Грамматикѣ Смотрицкаго.

Не будемъ распространяться о дальнѣйшихъ правилахъ просодіи Смотрицкаго, опредѣляющихъ мѣста прочимъ надстрочнымъ и строчнымъ знакамъ. Первые, т. е. надстрочные всѣ суть позднѣйшее прибавленіе къ языку, заимствованное изъ Грамматики Греческой, за исключеніемъ краткой или слитной (κολή), существовавшей уже въ XI-мъ вѣкѣ, хотя правда писавшейся иначе. Вторые, т. е. строчные, конечно, суть позднѣйшія, но тѣмъ не менѣе полезныя для ясности рѣчи нововведенія. Орѳографія Смотрицкаго кончается коротенькою статьею о титлахъ.

Если мы теперь совокупимъ все, сказанное объ орѳографіи Смотрицкаго, въ одинъ взглядъ: то найдемъ, что Смотрицкій 1) не понималъ отношенія ъ и ь къ гласнымъ буквамъ, и это повело его къ многимъ заблужденіямъ; 2) не понималъ смысла и назначенія носовыхъ звуковъ въ Церковно-Словенскомъ языкѣ; 3) насильственно внесъ ученіе о удареніяхъ, заимствовавъ оное изъ Грамматики Греческой; но 4) при всемъ томъ былъ умнѣйшимъ въ свое время Грамматикомъ; ибо развилъ нѣкоторыя мысли вполнѣ истинныя, коими не скоро воспользовались его преемники.

Переходимъ къ Этимологіи.

Частей слова принимается восемь: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе. Такимъ образомъ Смотрицкій исключилъ изъ Грамматики различіе. Но Московскіе издатели снова внесли его въ число частей слова, изгнавъ междометіе. Здѣсь почитаемъ мы умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно этого мнимаго Словенскаго члена. Кто знакомъ съ характеромъ Словенскаго языка вообще, кто вникалъ въ его строй и натуру, тотъ знаетъ, что

*

въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ члена, какъ отдѣльной части слова. Не существуетъ ли онъ можетъ быть въ иномъ видѣ, въ сложеніи съ словами — въ тѣхъ или другихъ окончаніяхъ оныхъ,—это совершенно другой вопросъ; и мы съ своей стороны не находимъ ничего страннаго въ мнѣніи О. Г. Павскаго, который въ окончаніяхъ *ъ*, *а*, *о* хочетъ видѣть вообще Словенскій и въ особенности Русскій членъ; тѣмъ болѣе, что разсмотрѣніе устройства и склоненія прилагательныхъ очень сильно намѣкаетъ на эту мысль. Но искать въ Словенскомъ языкѣ члена, особенно стоящаго, видѣть его въ *иже*, *яже*, *еже*, можетъ лишь тотъ, кто съ одной стороны ослѣпленъ пристрастіемъ къ Грамматикѣ Греческой, и съ другой стороны кто порчу языка, правда очень давнюю, принялъ за первоначальное, естественное свойство онаго. На самомъ дѣлѣ уже въ памятникахъ XI вѣка мы находимъ, что слово: *еже* употребляется рѣшительно въ видѣ члена. Но должно замѣтить, 1) что его нѣтъ въ этомъ смыслѣ въ переводѣ Кирилла и Меѳодія; 2) оно появляется въ первой разъ въ тѣхъ переводахъ, кои начали дѣлать изъ Греческихъ Отцевъ Церкви на Словенскій языкъ. Эти переводы почти всегда соединены были съ насиліемъ языку Словенскому. Дѣлались ли они въ Болгаріи или у насъ, во всякомъ случаѣ, мало было переводчиковъ, которые обладали бы такимъ вѣрнымъ тактомъ въ пониманіи свойствъ языка, какъ Кириллъ и Меѳодій, которые съумѣли въ языкѣ чуждомъ понять, что онъ, вопреки требованіямъ ихъ отеческаго языка, не только не допускаетъ, но и требуетъ двухъ отрицаній на мѣсто одного, что онъ любитъ употребить нарѣчіе съ родительнымъ падежемъ (Єлико ихъ приде прежде мене) лучше, чѣмъ прилагательное съ существи-

тельнымъ въ именительномъ и т. д. Позднѣйшіе переводчики не прилагали столько старанія къ своему дѣлу, да и не имѣли столько ума, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ не обезобразить языка Словенскаго въ угоду оборотамъ Греческимъ. Уже съ XI вѣка начинается вторженіе идіома Византійскаго въ строй языка Церковно-Словенскаго; и первымъ явленіемъ этого вліянія было введеніе въ рѣчь Словенскую частицы *еже* въ роли Греческаго члена. Съ тѣхъ поръ утвердился въ Церковно-Словенскомъ языкѣ мнимый членъ, хотя каждому чисто Словенскому уму было постоянно во всѣ времена понятно, что этотъ членъ есть чуждый пришлецъ, ненужный нашему языку, даже противный ему. Несторъ, вѣроятно, много читалъ этихъ переводовъ съ Греческаго, въ которыхъ очень часто употребленъ членъ, слѣдонательно видѣлъ образцы употребленія его; но его вѣрный тактъ, которымъ онъ такъ изобиловалъ, спасъ его отъ употребленія этой ненужной частицы. Тоже должно замѣтить и о всѣхъ тѣхъ, которые въ своей литературной дѣятельности были болѣе самобытны, чѣмъ подражательны. Такимъ образомъ чуждая пришлость члена, какъ особеннаго слова, всегда очень живо была ощущаема, и только неосторожное пристрастіе Словенскихъ переводчяковъ къ Византійскимъ подлинникамъ должно обвинять во внесеніи въ языкъ Словенскій совершенно чуждаго ему элемента.

Разсмотримъ ученіе Смотрицкаго о имени.

Послѣ опредѣленія и раздѣленія имени на собственное и нарицательное, Смотрицкій сіе послѣднее дѣлитъ на *существительное*, *собирательное* и *прилагательное*. И за тѣмъ разсматриваетъ совокупно всѣ три вида именъ по отношенію къ роду и склоненію. Чѣмъ объяснить

такое сопоставленіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ подъ одну категорію, такое совокупное опыхъ разсмотрѣніе? Прилагательныя имена языка Словенскаго сами конечно не подаютъ къ тому никакаго повода, ярко отличаясь своими измѣненіями отъ имёнъ существительныхъ. Еще держись бы Смотрицкій самыхъ древнихъ памятниковъ языка Церковно-Словенскаго, то такое сопоставленіе было бы гораздо возможнѣе: тамъ во 1-хъ усѣченныя прилагательныя были въ полномъ ходу, и употреблялись точь въ точь какъ существительныя; и во 2-хъ полныя окончанія прилагательныхъ въ своемъ склоненіи вѣрно хранили типъ склоненія существительнаго, приставляя къ нему только падежи мѣстоименія указательнаго *и*. Но первая черта скоро начала сглаживаться совершенно изъ языка: усѣченныя прилагательныя сначала отступили отъ существительныхъ, въ творительномъ единственнаго, дательномъ, творительномъ и предложномъ множественнаго; а потомъ мало по малу и совсѣмъ изчезли изъ языка, оставивъ память по себѣ только въ именительномъ падежѣ, и въ нѣкоторыхъ словахъ средняго рода, которыя собственно суть прилагательныя усѣченныя, а употребляются и измѣняются по образцу существительныхъ. Вторая черта уже въ XI и XII вѣка начала мало по малу сглаживаться подъ вліяніемъ Русскаго идіома: двѣ одинаковыя, рядомъ стоящія гласныя (ааго, оуоумоу) мало по малу начали сбиваться въ одну и на мѣсто ааго появилось *аго*, на мѣсто оуоумоу появилось *ому*. (Такъ по крайней мѣрѣ было у насъ на Руси). Такимъ образомъ склоненіе прилагательныхъ мало по малу далеко отошло отъ того, строго правильнаго типа, который имѣло оно первопачально, и сдѣлалось совершенно отличнымъ отъ склоненія существи-

тельнаго. Чтоже принудило Смотрицкаго сдѣлать такое, противное природѣ языка смѣшеніе? Не иное что, какъ примѣръ Греческихъ и Латинскихъ прилагательныхъ, которыя въ своемъ склоненіи съ такою правильностію слѣдуютъ существительнымъ. Къ подтвержденію этой догадки служитъ, между прочимъ и то, что Смотрицкій, по примѣру Греческихъ и Латинскихъ прилагательныхъ, хочетъ и въ Словенскихъ прилагательныхъ различать прилагательныя трехъ окончаній и прилагательныя одного окончанія.

Любопытно различеніе прилагательныхъ, которое дѣлаетъ Смотрицкій. «Прилагательное бываетъ ово совершенное, Єже ни откуду не производится

— отименное,
— числительное,
— чинительное,
— вопросительное,
— Ѿвѣщательное,
— притяжательное,
— отечественное,
— языческое.

Смыслъ каждаго изъ членовъ дѣленія самъ собою понятенъ.

Но теперь вотъ въ чемъ дѣло: Каченовскій въ своемъ историческомъ опытѣ о Словенской Грамматикѣ дивится этому раздѣленію, равно какъ и другимъ столь же многочисленнымъ дѣленіямъ, имѣющимъ мѣсто въ Грамматикѣ Смотрицкаго; онъ находитъ всѣ эти дѣленія лишними и ни къ какой особенной цѣли не ведущими; обвиняетъ Смотрицкаго въ излишней безполезной тонкости. Что касается до послѣдующихъ дѣленій, то объ нихъ рѣчь будетъ впереди. Но что касается до раз-

сматриваемаго нами дѣленія, то мы находимъ оное 1) совершенно справедливымъ и весьма умнымъ по его смыслу, 2) совершенно умѣстнымъ и полезнымъ въ Грамматикѣ. Если бы напр. спросили — какія имена прилагательныя могутъ быть проводимы по степенямъ уравненія, и какія нѣтъ, то держась дѣленія Смотрицкаго кажется можно бы отвѣтить, что уравняются только имена прилагательныя *совершенныя*, всѣ же прочія остаются неподвижно на одной степени. Далѣе въ склоненіи весьма важно различіе между прилагательными первыхъ 6 видовъ, 2-хъ слѣдующихъ за тѣмъ и послѣдняго вида. И Смотрицкій очень хорошо понималъ это различіе, ибо онъ дѣйствительно въ пятомъ своемъ склоненіи, которое назначается для именъ прилагательныхъ, дѣлаетъ три особенныя различія: 1) Святыи, крѣпкій, 2) Божій, Варнавинъ, 3) Россійскій.

Итакъ будемъ обвинять Смотрицкаго тамъ, гдѣ ненужными нововведеніями онъ обременилъ ученіе о языкѣ; но отдадимъ полную справедливость его уму и проницательности тамъ, гдѣ онъ съ терпѣніемъ и основательностію подвелъ подъ правильные классы пестрое разнообразіе словъ.

Разгруппировавъ имена по различнымъ классамъ, Смотрицкій переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ грамматическихъ принадлежностей имени. Такихъ принадлежностей насчитываетъ онъ 6: *родъ*, *видъ*, *начертаніе*, *падежъ*, *число*, *склоненіе*. Ученіе о четырехъ среднихъ принадлежностяхъ ня представляетъ ничего особеннаго; стоитъ вниманія ученіе о двухъ крайнихъ: *родѣ* и *склоненіи*. Ученіе о родѣ обнаруживаетъ въ Смотрицкомъ человѣка мыслящаго, человѣка, для котораго смыслъ слова, мысль реченія гораздо важнѣе, чѣмъ внѣшняя грамматическая его форма. Увлекшись знамено-

веніемъ именъ, его единственно имѣя въ виду при разсмотрѣніи оныхъ, Смотрицкій неизбѣжно ввелъ въ свою Грамматику новости ненужныя, учредилъ различіе родовъ, которымъ не пришлось ему ни разу во всей своей Грамматикѣ воспользоваться. Онъ различаетъ роды: 1) мужскій, 2) женскій, 3) средній, 4) общій, 5) всякій, 6) недоумѣнный, 7) преобщій. Смыслъ первыхъ трехъ членовъ дѣленія всякому ясенъ, и четвертый поймутъ тѣ, которые учились Русской Грамматикѣ по руководству *Ломжарскаго* лѣтъ 15 тому назадъ. Но три послѣдніе требуютъ объясненія. *Всякаго* рода суть тѣ слова, которыя можно принять и за мужескія и за женскія и за среднія. Тутъ очевидно разумѣются тѣ члена прилагательныя, которыя Смотрицкій отмѣчаетъ особымъ именемъ *прилагательныхъ одного окончанія* (Нововведеніе, очевидно заимствованное изъ Грамматики древнихъ языковъ). Слова *исполнь, юродъ* суть примѣры именъ всякаго рода. На это мы замѣтимъ, что а) смѣшеніе прилагательныхъ съ существительными подъ одну категорію есть уже ошибка; b) слова *исполнь* и *юродъ* только вслѣдствіе неправильности принимаются въ томъ видѣ, въ которомъ угодно ихъ разумѣть Смотрицкому. «*Исполнь*» собственно есть прошедшее причастіе дѣйствительное сокращенное отъ глагола *исполнити*, а не страдательное, превратившееся будто бы въ прилагательное. Слово *юродъ* есть дѣйствительно прилагательное усѣчённое; но почему же оно не можетъ перейти въ женскій и средній родъ, точно такъ, какъ и всякое другое усѣченное прилагательное. Итакъ введеніе *всякаго рода* въ Словенскую Грамматику есть слѣдствіе неправильнаго смѣшенія прилагательныхъ съ существительными, слѣдствіе, подкрѣпленное также неправильно понятыми словами.

«Недооумѣннаго рода имена соуть, о нихъже недоу-

«мѣваемъ, простѣе ли мужеское прилагательное прием-«лютъ, либо женское, яко той или тая неясыть, тоі «или тая гортань». Съ двухъ сторонъ можно смотрѣть на это положеніе Смотрицаго; съ одной стороны съ нимъ нельзя не согласиться, нельзя не отдать чести уму Автора, съ другой стороны оно заслуживаетъ полный упрекъ съ нашей стороны. Что мысль этого положенія совершенно справедлива, съ тѣмъ согласится всякій. На самомъ дѣлѣ мало ли есть словъ, объ которыхъ еще такъ недавно неумѣли мы сказать, какого́ они рода, мужескаго или женскаго. Напр. степень, путь. Давно ли еще одинъ изъ насъ писалъ: онъ взошелъ навысокую степень, а другой: онъ взошелъ на высокій степень. Однимъ словомъ есть нѣсколько словъ, вразсужденіи которыхъ нельзя сказать рѣшительно, какаго они рода, мужескаго или женскаго. Причина этого ясна, если потрудишься справиться въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковно-Словенскаго языка: тамъ былъ цѣлый классъ словъ, кончащихся на ы. Любы, цьркы, кры и т. п. пламы, камы и т. п. Всѣ эти слова, склоняясь въ косвенныхъ падежахъ съ наращеніемъ, мало по малу, съ помощію винительнаго падежа, ввели это наращеніе и въ именительный. Первоначальная форма слова утратилась: слово получило иное окончаніе, и по настоящему ему нужно бы по крайней мѣрѣ сохранить свой первоначальный родъ; и многія слова на самомъ дѣлѣ его сохранили преимущественно тѣ, въ которыхъ значенія уже опредѣлило родъ (мати, дшти). Но другія, получивъ новое окончаніе ь, свойственное болѣе мужескому, чѣмъ женскому роду, впали въ какую-то нерѣшительность: одни сдѣлались мужескими, другія женскими, а третьи рѣшительно не знали, куда имъ при-

стать, пока наконецъ случайное употребленіе, а не филологическое, научное указаніе не примкнуло ихъ къ тому или другому роду. Слѣдовательно Смотрицкій совершенно правъ, говоря, что есть слова, о которыхъ мы недоумѣваемъ, мужеское ли прилагательное, или женское лучше къ нимъ приставить; точно они были, и даже есть. Но ихъ такъ не много, что мы никакъ не согласны различать для нихъ цѣлый особенный родъ. И добро бы еще эти немногія слова допускали касательно себя какое нибудь правило, а то они чистыя аномаліи, уклоненія отъ общихъ формъ языка. Слѣдовательно прекрасно поступилъ Смотрицкій, когда замѣтилъ ихъ и объ нихъ; это дѣлаетъ честь его внимательности; но онъ поступилъ совсѣмъ не логически, сдѣлавъ изъ пяти — шести неправильныхъ словъ цѣлый особенный классъ.

«Преобщаго рода имена соуть *рыбъ*, яко китъ, ла«вракъ, *птицъ* — ластовица, орелъ, *пресмыкающихся*, «*неслкомыхъ* и т. п.» Другими словами преобщаго рода суть тѣ имена, которыя имѣя видъ одного какого-либо рода, на самомъ дѣлѣ по смыслу разомъ означаютъ два. Мы говоримъ *ласточка;* и очевидно это слово женскаго рода, а между тѣмъ мы означаемъ имъ самца, точно также какъ и самку. Итакъ въ сущности различеніе Смотрицкаго совершенно справедливо и притомъ очень остроумно. Но дѣло въ томъ, къ чему это остроумное различеніе служитъ въ Грамматикѣ? Не принимаемъ ли мы всѣхъ подобнаго рода словъ въ томъ родѣ, какой сообщаетъ ему окончаніе. *Ластовица* всегда останется въ языкѣ рода женскаго, а *китъ* рода мужескаго. Слѣдовательно не объ чемъ и толковать.

Учредивъ въ своей Грамматикѣ 7 особенныхъ родовъ, Смотрицкій переходитъ къ размѣщенію словъ по

этимъ 7 классамъ. И слѣдуя въ порядкѣ изложенія Грамматикѣ Греческой и Латинской, онъ начинаетъ различать роды именъ напередъ по значенію, а потомъ по окончанію. Тутъ уже Греческая и Латинская Грамматика повторились въ полномъ своемъ видѣ.

«Моужескаго рода соуть имена 1) мужей, 2) до-«стоинствъ моужскихъ 3) Аи҃лъ, 4) Богъ языческихъ, «5) Мц҃еи, 6) четырехъ вселенныя частій 7) вѣтровъ». Такой же перечень дѣлается и касательно женскаго рода; и наконецъ о среднемъ совершенно противно чисто Словенскому идіому говорится: «Средняго рода соуть «имена буквъ, реченій, вмѣсто словъ пріемлемыхъ, глаголъ «и нарѣчій вмѣсто именъ взятыхъ, яко *мов разумѣти*, «сирѣчь разумъ мой».

Самъ же Смотрицкій понимаетъ, что въ Словенскомъ языкѣ роды опредѣляются главнымъ образомъ окончаніемъ; значеніе имѣетъ въ этомъ дѣлѣ важность только второстепенную. Ибо самъ онъ говоритъ: «Вѣстно боу-«ди вся именъ роды познаваемы Славяномъ бывати ѿ «окончанія простѣе, чѣмъ отъ знаменованія».

Но чтожъ дѣлать? Излишнее пристрастіе къ чуждымъ образцамъ сбило его съ настоящаго пути.

Переходимъ къ другой важной принадлежности имени — къ склоненію. Нужно замѣтить что Смотрицкій внесъ въ Грамматику *падежъ сказательный*, котораго не было въ Грамматикѣ Зизанія. Склоненій Смотрицкій различаетъ *пять*.

Къ первому принадлежитъ имена на *а*, ѧ женск. и иностранная — *ас—ис*, аввасъ, артемис.

Ко второму принадлежитъ имена на *ъ*, *о*, ѧ (средн. рода) *и*, є.

Къ третьему принадлежитъ имена на *ь* женск. рода.

Къ четвертому принадлежитъ имена на *ь* и *й* (ай, ей, ій, ой и т. п.) *ꙗ* и *іе*.

Къ пятому всѣ имена прилагательныя.

Всмотримся ближе въ это распредѣленіе, и мы увидимъ въ немъ намекъ на мысль важную и справедливую, но не развитую до конца; и оттого много ошибочнаго, неправильнаго вошло въ ученіе о склоненіяхъ. Смотрицкій сопоставляетъ окончанія *ъ* и *о*, *и* и *е*, ій и іе, и этимъ ясно обнаруживаетъ правильное разумѣніе настоящаго отношенія между мужескими и средними окончаніями въ Словенскомъ языкѣ, — отношенія, которое даже для нѣкоторыхъ грамматиковъ настоящаго времени оставалось совершенно незамѣтнымъ. Итакъ мы совершенно согласны съ Смотрицкимъ, когда онъ окончанія *ъ* и *о*, *и* и *е*, *а* и *я*, *ій* и *іе* относитъ каждое попарно къ одному и тому же склоненію. Но къ чему бы этоже самое начало, этотъ же пріемъ не прилежитъ къ словамъ, склоняющимся съ параценіемъ; между ними такъ много общаго въ склоненіи; много такаго, что рѣшительно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ словъ. Слѣдовательно къ чему ихъ смѣшивать съ другими словами? Къ чему не совокупить ихъ въ особенное склоненіе, предложивъ особенныя схемы для каждаго особеннаго ихъ вида. А то Смотрицкій разбросалъ ихъ по разнымъ склоненіямъ, Богъ знаетъ, для какой цѣли. *Отроча*, *имя* и *слово* отнесены ко второму склоненію, *мать*, *неплодьі* къ третьему. Скажите, что общаго между склоненіемъ отроча и клевретъ? Если бы Смотрицкій былъ знакомъ съ древнѣйшими памятниками Церковно-Словенскаго языка, то навѣрное не разлучилъ бы по разнымъ склоненіямъ тѣхъ словъ, которыя, какъ по основной формѣ, такъ и по склоненію очень сходны

между собою. А то онъ не знаетъ даже, что *неплодьѣ* есть уже позднѣйшая не собственная форма, что настоящая форма его есть *неплодьи*, а *в* есть паращеніе. Мудрено ли, что онъ и это и другія подобныя сему слова отдѣляетъ отъ словъ *отроча*, *коло*, *слово*, которыя склоняются съ наращеніемъ? Мудрено ли, что онъ слова кончащіяся на *ень* (корень, камень) отнесъ къ четвертому склоненію, когда онъ не зналъ ихъ первоначальной формы на *ы*, не понималъ ихъ единородности съ словами женскаго рода на *вь* и съ мати, дшти и т. п. Знай бы Смотрицкій настоящій Церковно-Словенскій языкъ, онъ навѣрное совокупилъ бы всѣ слова съ наращеніемъ въ одинъ классъ, и не пришлось бы ему дѣлать послѣ множества изъятій, оувѣщеній и т. п.

Что касается до склоненія прилагательныхъ, то кромѣ замѣчаній, уже выше нами о семъ предметѣ сдѣланныхъ, намъ остается присовокупить только то, что оно въ книгѣ Смотрицкаго составлено не по настоящимъ памятникамъ языка Церковно-Словенскаго, но по памятникамъ позднѣйшимъ; но это недостатокъ, которымъ страдаетъ все сочиненіе Смотрицкаго, — зло коренное, основное, выразившееся повсюду. Оно въ склоненіяхъ вообще причиною того, что винительный падежъ сталъ клониться къ родительному; межъ тѣмъ, какъ въ древнемъ языкѣ онъ почти всегда сходствовалъ съ именительнымъ; оно наклонило родительный падежъ мужескихъ именъ къ дательному (*оу* вмѣсто *а*); оно было причиною измѣненія *ъмь* въ творительномъ единственнаго на *омь*, и вслѣдствіе того придуманія ѡ и *о*, какъ отличія множественнаго числа отъ единственнаго; оно ввело слогъ *овъ* въ родительный множественнаго, межъ тѣмъ какъ въ старомъ языкѣ родительный множественнаго всегда

стремился къ сходству съ именительнымъ единственнаго; оно изгнало изъ склоненія прилагательныхъ творительный единственнаго и множественнаго и дательный множественнаго усѣченной существительной формы; оно уничтожило означенія посовыхъ звуковъ въ винительномъ и творительномъ женскаго рода, замѣнивъ *ж* въ первомъ случаѣ грубымъ, рѣшительно несвойственнымъ *оу*, а во второмъ *ю*. Оно же склоняя *триста* сказало предложный о *трехъ стохъ*.

Тоже незнаніе древнѣйшихъ памятниковъ языка Церковно-Словенскаго заставило Смотрицкаго въ главѣ о мѣстоименіяхъ выдумать совершенно новую небывалую форму именительнаго двойственнаго для мѣстоименія *азъ, на, нл*. Оно же привело Смотрицкаго къ ложному положенію, что *онъ* въ Церковно-Словенскомъ языкѣ есть личное мѣстоименіе третьяго лица. Оно же оставило его въ неизвѣстности касательно происхожденія косвенныхъ падежей *его, ему* и т. д., заставивъ его поставить ихъ отдѣльно отъ именительнаго, и чрезъ то самое лишило его возможности правильно понять строй прилагательныхъ и ихъ склоненіе. Вообще нужно замѣтить, что языкъ Церковно-Словенскій дошелъ до Смотрицкаго разбитый, перемѣшанный; формы первоначальныя, простыя и правильныя, замѣнились многочисленными формами производными. Этѣ формы второстепенныя совершенно заслонили собою формы начальныя, и Смотрицкій, не зная сихъ послѣднихъ, никакъ не могъ справиться съ первыми: ибо это возможно только чрезъ возведеніе формъ вторичныхъ къ формамъ начальнымъ.

Истиннымъ камнемъ претыканія для всѣхъ вообще Грамматиковъ Церковно-Словенскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Русскаго языка служило ученіе о глаголѣ. Съ одной

стороны особенность Словенскаго глагола, съ другой стороны многочисленность исключеній изъ всякаго правила, какое бы вы ни постановили касательно глаголовъ, поставляло Грамматиковъ всегда въ величайшее затрудненіе, внушало каждому изъ нихъ свою особенную систему. И потому весьма любопытно знать, какъ размыслилъ Словенскій глаголъ Смотрицкій. Ученіе о глаголѣ начинается раздѣленіями: «глаголъ есть четверо-«гоубъ: личный, безличный, стропотный (неправильный) «и лишаемый». «Личный бываетъ существительный, (есмь, бываю), нарицательный (нарицаюся, зовуся) и прилагательный (бѣлѣю, краснѣю и т. п.)». Глаголъ бываетъ преходительный (transitivum) и самостоятельный (intransitivum)». Всѣ эти раздѣленія, сами по себѣ правильныя, не представляютъ ничего важнаго въ филологическомъ отношеніи. Для насъ важно то, какія принадлежности различаетъ Смотрицкій въ глаголѣ и какъ онъ объ нихъ учитъ. «Послѣдуютъ глаголу: залогъ, начертаніе, видъ, число, лице, наклоненіе, время, родъ, спряженіе». *Залогъ.* Залоговъ Смотрицкій различаетъ пять: дѣйствительный, страдательный, средній, отложительный, общій. Замѣтимъ касательно этого пункта только одно: страдательнымъ Смотрицкій называетъ тотъ залогъ, который впослѣдствіи времени назывался отложительнымъ, *бію́ся* страдательный залогъ по Смотрицкому; слѣдовательно на долю отложительнаго остались тѣ глаголы, кои послѣ были названы общими, а *общіе* получили совершенно оригинальное опредѣленіе. «Общій залогъ есть, «иже окончаніе имать страдательнаго, знаменованіе же «дѣйствительнаго вкупѣ и страдательнаго». Очевидно, что Смотрицкій въ своемъ различеніи залоговъ руководился примѣромъ Грамматики Латинской, гдѣ страда-

тельный и отложительный залоги имѣютъ одну форму, и различаются только лишь тѣмъ, что ежели отъ страдательнаго отнять окончаніе *ν* (haЬeor), то останется глаголъ дѣйствительный, а отъ отложительнаго если отнять *ν*, то останется слово, не имѣющее никакаго смысла. Точно такое же различіе постановилъ Смотрицкій между страдательнымъ и отложительнымъ залогомъ.

Пропуская *начертаніе*, *число*, *лице*, и *родъ*, ученіе о которыхъ вовсе не важно и не трудно, по крайнѣй мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Смотрицкій, мы прямо переходимъ къ ученію о *видѣ*, *наклоненіи*, *времени*, и *спряженіи*. *Видъ*. Онъ бываетъ *первообразный* (совершенный) и *производный*. «Производный овъ начинательный, овъ учащательный.» Первый отличается окончаніемъ *пю*, а вторый окончаніемъ *аю*. Вотъ эту мысль мы считаемъ важнымъ шагомъ въ ученіи о Словенскомъ глаголѣ. Различіе особенныхъ видовъ глагола, и спряженіе каждаго изъ нихъ отдѣльно есть единственный способъ водворить правильную систему въ ученіи о глагольныхъ формахъ. Доколѣ мы будемъ считать различными временами одного и тогоже глагола: *кидалъ*, *кинулъ*, *кидывалъ*, дотолѣ невозможно будетъ установить твердыхъ правилъ касательно образованія временъ глагола, дотолѣ единственнымъ руководителемъ будетъ практическій навыкъ въ языкѣ. Слѣдовательно уже одинъ намекъ на мысль, что въ глаголѣ нужно различать нѣсколько особенныхъ видовъ, кои всѣ, происходя отъ одного и тогоже корня, и только характеризуясь каждый особенною буквою, и давая каждый особенный болѣе опредѣленный характеръ значенію корня, есть успѣхъ, есть указаніе настоящаго правильнаго пути. Къ сожалѣнію Смотрицкій ограничился однимъ только ука-

запія, да и это указаніе едва ли не было плодомъ вліянія Грамматики Латинской; а оттого и въ приложеніи его къ глаголу Словенскому онъ не простерся далѣе того, что впушила ему Грамматика Латинская; какъ тамъ мы различаемъ глаголы коренные, первообразные и потомъ въ производныхъ различаемъ начинательные (inchoativa) на *esco* и учашательные (frequentativa) на ito, такъ и въ Грамматикѣ Словенской Смотрицкій различилъ тѣже самые виды. Что это различеніе было недостаточно, это тотчасъ становится яснымъ, если подумаемъ, что есть глаголы на *нуть*, на *ивать*, (ывать, свать), на *ить*, отчегоже и ихъ не назвать особенными видами и не спрягать особенно каждый, какъ угодно Смотрицкому спрягать *чести* и *читать*. Итакъ въ этомъ пунктѣ хотя мы и должны приписать Смотрицкому правильную догадку, но цѣна этой догадки значительно убавляется тѣмъ, что она 1, заимствована изъ чужаго языкоученія, 2, не приложена во всей полнотѣ къ дѣлу.

Обвиненіе наше лучше всего подтверждается разсмотрѣніемъ временъ, которыя выставилъ Смотрицкій для каждаго глагола: тутъ само собою открывается, что Смотрицкій рѣшительно хотѣлъ сдѣлать глаголъ Словенскій снимкомъ съ глагола Греческаго, а при этомъ естественно нечего было и думать о приложеніи мысли о видахъ. Смотрицкій исчисляетъ слѣдующія времена: *настоящее: бію* (двоякое: совершенныхъ и учащательныхъ: *чту* и читаю), *преходящее* (бихъ), *прешедшее* (біяхъ), *мимошедшее* (біяахъ), (біенъ бывахъ), *неопредѣльное* (побихсѧ), будущее (побію, біенъ буду). Не есть ли это praesens, imperfectum, perfectum, plusquamperfectum, aoristos и futurum Греческаго спряженія? Не изглажена ли здѣсь совершенно мысль о видахъ?

Не обезображено ли природное свойство языка чрезъ введеніе совершенно чуждаго ему аориста?

Тоже обнаруживается и въ исчисленіи наклоненій: у Смотрицкаго ихъ шесть: изъявительное, повелительное, молительное, сослагательное, подчинительное и неопредѣленное. Кто помнитъ таблицу спряженій Греческихъ, тотъ конечно сію-же минуту видитъ, что это только переводъ наклоненій Греческихъ, даже въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они поставлены въ Грамматикѣ Греческой. Indicativus, imperativus, optativus, conjunctivus, (subjunctivus) infinitivus. Кто не видитъ, что геній языка Словенскаго наслуется чрезъ такое размноженіе наклоненій. Для чего напр. отличать повелительное и молительное? Какими особенными формами характеризуется то и другое? Что такое наклоненіе сослагательное? Не есть ли это по своему происхожденію сложное спряженіе глагола: любилъ быхъ, любилъ бы и т. п., спряженіе, которое въ своемъ образованіи не представляетъ ничего ообенаго, кромѣ присовокупленія къ простой глагольной формѣ вспомогательнаго глагола. А наклоненіе подчинительное — что это такое? Какой слѣдъ его существованія можемъ мы открыть въ языкѣ Словенскомъ? Если я говорю: «повелѣваеши мнѣ, да бію,» то конечно *бію* подчинено предъидущему глаголу при посредствѣ частицы *да;* но чтоже особеннаго мы находимъ въ словѣ бію въ этомъ случаѣ, что такаго, что отличало бы его отъ всякаго другаго случая? Когда я говорю просто *я бію*, то изображаю слово это точно также, какъ изображаю его и въ вышепоказанномъ случаѣ.

Спряженій Смотрицкій различаетъ два: правильное и стропотное. Остановимся нѣсколько на томъ призна-

кѣ, коимъ Смотрицкій отличаетъ спряженіе правильное отъ неправильнаго; въ спряженіи правильномъ первое лице оканчивается на *у* и *ю*, въ неправильномъ на *мь* (есмь, имамъ, вѣмъ). Этимъ признакомъ руководствовались и позднѣйшіе Грамматики, для различенія глаголовъ правильныхъ отъ неправильныхъ. Если обратиться къ древнѣйшимъ памятникамъ собственно Церковно-Славянскаго языка, то едва ли этотъ признакъ будетъ вполнѣ основателенъ. Тамъ первому числу единственнаго числа настоящаго времени присвоено окончаніе ѫ: ѣдѫ, берѫ, и т. п. Если вникнуть въ этотъ носовый звукъ, то очевидно онъ разложится на *ем* и *ен*. Такимъ образомъ вся разница въ окончаніи между правильными и неправильными глаголами приводится только къ тому, что въ первыхъ звукъ *ем* находится еще въ состояніи слитія въ одну букву, а въ послѣднихъ онъ развитъ и составные его элементы представлены каждый въ своей отдѣльности.

На самомъ дѣлѣ разберемъ исчисленные нами глаголы и другіе имъ подобные, и мы откроемъ, что образованіе настоящаго времени перваго лица единственнаго числа, въ нихъ точно также правильно, какъ правильно и въ глаголахъ, кончащихся въ настоящемъ времени на *у* или *ю*. *Вѣмъ* очевидно произошло отъ корня *вѣд*, изъ котораго сдѣлано *вѣдѣти*, *вѣдати* и т. п. Настоящее время въ Словенскомъ языкѣ образуется чрезъ приставленіе или къ чистому корню глагола, или къ породной буквѣ, отличающей особенный видъ глагола, носоваго звука ѫ. Итакъ отъ *вѣд* будетъ *вѣдѫ* — вѣдемь вѣдьмь. Но извѣстно, что говоръ Восточный отличается отъ Западнаго между прочимъ и тѣмъ, что выбрасываетъ буквы *д* и *т* предъ другою согласною: *modlitiva*, мо-

литва, *kadidło* — кадило; и это дѣлается особенно часто въ глаголахъ: *padł*—палъ, *szedł*—шелъ и т. п. Слѣдовательно вмѣсто *вѣдем* или *вѣдьм* у насъ останется *вѣмь*. Точно также изъ корня *ест* выдетъ *есмь* тамъ, гдѣ Поляки имѣютъ *jestem*; изъ корня *яд* выдетъ *ямь*, послѣ превратившееся у Русскихъ въ ѣмъ. Теперь спрашивается, что же въ этихъ глаголахъ неправильнаго? И за что отдѣлять ихъ отъ всѣхъ прочихъ глаголовъ особеннымъ именемъ *строптныхъ*?

Въ правильныхъ глаголахъ различается два спряженія; признакъ, на основаніи котораго дѣлается это различіе, есть второе лице настоящаго времени единственнаго числа: въ первомъ спряженіи оно оканчивается на *еши* (несеши, береши), во второмъ на *иши* (любиши и т. д.). Умное, дѣльное раздѣленіе; признакъ, по которому оно дѣлается и впослѣдствіи времени служилъ лучшимъ Грамматикамъ для той же цѣли. Но за то, когда мы вступаемъ въ самое спряженіе, то находимъ его обезображеннымъ множествомъ неестественныхъ нововведеній и измѣненій. Въ чисто глагольныхъ формахъ (въ двойственномъ числѣ и множественнаго числа въ 3-мъ лицѣ) явилось различіе родовъ—выдумка затѣйливыхъ позднѣйшихъ Граматиковъ: *чтоша* было мужескаго и средняго рода, а *чтошѧ* женскаго. Сослагательное наклоненіе все отъ начала до конца составилось изъ насилій языку; Смотрицкій уклонился въ подражаніе Грамматикѣ Польской; иначе откуда могъ онъ взять формы въ родѣ слѣдующихъ:

аще бымъ челъ.
аще бы члисмы.
— — члисте.
— — члн.

Смотрицкій самъ понималъ, что этѣ, вновь созданныя имъ формы языка не могутъ быть понятны; потому, что онѣ не выведены изъ генія языка, но заимствованы извнѣ. И потому для объясненія смысла опыхъ, опъ надъ каждымъ временемъ сослагательнаго и подчинительнаго наклоненій надписалъ Польскія глагольныя формы, понятныя всякому въ той странѣ, для которой онъ писалъ: гды бымъ читалъ, гды бымъ былъ читалъ, а—бымъ читалъ. Мы не говоримъ уже здѣсь о замѣненіи ѫ и ѧ, *у* и *ю*, *я* и *а*, о изглажденіи и превращеніи правильнаго ихъ употребленія. Этѣ буквы составляли всегдашнее затрудненіе нашихъ писателей и писцовъ: отъ того уже съ самой древней поры, (съ 11 вѣка), начинаются ошибки въ употребленіи сихъ знаковъ и замѣненіи однихъ другими совсѣмъ несвойственными. Съ теченіемъ времени ошибки этѣ такъ умножаются, что совершенно закрываютъ собою правило; и съ 15 вѣка воцаряется совершенное самовольство въ употребленіи сихъ знаковъ. Слѣдовательно само собою понимается, что спряженіе въ книгѣ Смотрицкаго, начиная отъ 1-го лица настоящаго времени и, кончая причастіемъ настоящимъ все испещрено ошибками въ употребленіи ѫ и ѧ.

«Припрягается спряженіемъ трое: причастіе, дѣепри-«частіе, причастодѣтіе. Дѣепричастія соуть причастія «чрезъ усѣченіе или изъятіе сокращенная и знаменова-«ніемъ отъ причастій, отъ нихъже и составляются, по-«тому различьствующая, поелику прилагательныя оусѣ-«ченное отъ цѣлаго различествовати обыче. Прочихъ «надежей во всѣхъ родѣхъ и числѣхъ развѣ именительна «лишаются.» Не было никакаго дѣепричастія въ древнемъ Словенскомъ языкѣ, а причастіе, наравнѣ съ другими именами прилагательными, имѣло двоякую форму

полную и усѣченную; и нельзя еще сказать, которая форма была болѣе употребительна; по крайней мѣрѣ форма усѣченная столько же часто употреблялась, какъ и полная. Впослѣдствіи времени непониманіе формъ настоящаго древне Словенскаго языка привело къ тому, что полную форму отдѣлили отъ усѣченной, и присвоивъ первой склоненіе, отняли его у второй; между тѣмъ, какъ въ древнемъ языкѣ и та и другая форма склонялись чрезъ всѣ падежи, подобно какъ и въ прилагательныхъ.

«Причастодѣтіе гл̃ъ причастный нарицается, ноужду «дѣйствія знаменующій. Многажды и прилагательныхъ «именъ силоу притяжущій, естественнѣ же въ средня «рода именительномъ усѣченномъ, на *о* кончащемся упо«требляемый. напр. творительно». Не есть ли это слѣдствіе несправедливаго желанія ввести въ Словенское спряженіе Латинское gerundium и Греческое отглагольное имя прилагательное. Такъ, какъ ученіе о предлогѣ, нарѣчіи и союзѣ не представляетъ ничего для нашей цѣли важнаго; то мы и переходимъ къ третьей части Грамматики Смотрицкаго — къ *синтаксису*.

Если какая часть Грамматики представляетъ наиболѣе уклоненій отъ настоящаго Словенскаго идіома, наиболѣе наводнена вліяніемъ Эллинскимъ: такъ это именно синтаксисъ: формы склоненія и спряженія не такъ-то легко было измѣнить въ угоду вліянію Греческому: ихъ яркая особенность недопускала многаго; и развѣ только, отъ времени, до времени какое нибудь нововведеніе или прибавленіе безобразило старую правильность. Въ Синтаксисѣ гораздо легче сдѣлать подобныя нововведенія и измѣненія: онъ не такъ упорно защищается противъ

чуждыхъ вліяній, какъ этимологія; съ этимъ согласится всякій, кто наблюдалъ надъ дѣйствіемъ иноземныхъ вліяній на Русскій языкъ; Латынь, отяжелѣвъ своимъ вліяніемъ надъ Русскимъ языкомъ, изуродовала его періодъ, его конструкцію, оставивъ неприкосновенными грамматическія формы языка; точно также дѣйствовалъ языкъ Французскій. Итакъ Синтаксисъ есть часть, наиболѣе открытая вторженіямъ иноземщины, и на самомъ дѣлѣ у Смотрицкаго наиболѣе изобилующая слѣдами ея вліянія.

Порядокъ Синтаксиса точно такой, какой обыкновенно наблюдался и наблюдается въ учебникахъ древнихъ языковъ: о сочиненіи прилагательнаго съ существительнымъ, объ именительномъ; о родительномъ съ именемъ и глаголомъ, о дательномъ съ именемъ и глаголомъ и т. д., о мѣстоименіи, о глаголѣ и т. д. Потомъ начинается *Синтаксисъ образная*, ибо Смотрицкій слово синтаксисъ принимаетъ въ женскомъ родѣ), толкующая о разныхъ украшеніяхъ періода. Не станемъ утомлять вниманія читателей подробнымъ изложеніемъ всѣхъ правилъ синтаксиса Смотрицкаго; но ограничимся тѣми, въ которыхъ съ особенною яркостію проглядываетъ *эллинизмъ*

«Многажды существительное прилагательному въ томъ «же родѣ, числѣ и падежи сочиняемое, въ родителенъ «коемуждо прилагательнаго падежи, въ единомъ и томъ «же разумѣ припрягаемъ измѣняется. *Высокая древесъ «падоша*».

«Греческаго сочиненія образомъ и славенски сред- «нимъ прилагательнымъ, существительныхъ естество, се- «бѣ придѣвшимъ, въ единомъ и томъжде съ существи- «тельными числѣ и падежѣ, аще и въ различныхъ ро-

«дѣхъ полагаемымъ бывати случается, яко: злаку трав-
«ному и вешнымъ насажденіемъ дождь мая полезно
«есть. Спасенно, предстоящ пастырь овчарии».

«Прилагательная, существительнѣ употребляемая,
«правомъ существительныхъ, родителемъ притяжутъ. Въ
«сіе нужды приидохомъ. Что имѣнія есть ми». Не очевидно ли въ сихъ трехъ правилахъ Греческое вліяніе? Свойственно ли Словенскому языку употребленіе прилагательныхъ безъ существительныхъ? Нѣтъ— существительное есть важнѣйшая въ Словенскомъ языкѣ часть слова; безъ нея не можетъ быть чисто Словенское реченіе. Но ярче всего высказывается Эллинское направленіе Автора въ главѣ второй, толкующей объ употребленіи *мѣстоименій относительныхъ*. Нужно замѣтить, что употребленіе мѣстоименій относительныхъ есть именно тотъ пунктъ, въ которомъ словосочиненіе Греческое представляетъ наиболѣе особенностей, наиболѣе характеристическихъ отличій. Оттого въ этомъ пунктѣ наиболѣе ощутительно Эллинское направленіе Автора; стоитъ только перебрать правила, которыя предлагаетъ онъ касательно употребленія возносительныхъ мѣстоименій; и мы разомъ убѣдимся въ двухъ истинахъ: 1) что тогдашній Церковно-Словенскій языкъ былъ эллинизированъ въ высшей степени, 2) что Смотрицкій, обманутый строемъ современнаго языка, слѣпо шелъ по слѣдамъ Грамматики Греческой.

Есть Аттикизмъ свойство, возносительному со предъидущимъ въ томъжде падежѣ сочинятися, на послѣдующій глаголъ, имъ же правиму быти ему достояше, ни единъ взглядъ имущему. Первое оубо слово сотворихъ ѡ всѣхъ, ѡ Ѳеофіле, о нихъ же начать Іисусъ творити же и учити.

Есть и другое Аттикωмъ свойство, Славянωмъ приискрьное, возносительномоу свое предъидущее предваряти; егда оуслыша Іисусъ, якω болитъ Лазарь, пребысть па немъже бѣ мѣстѣ два дни.

Сице бо многая симъ подобная Аттическаго діалекта свойства *искусніи* преводницы преводиша.

Итакъ высшею степенью искусства въ переводчикѣ почиталось то, когда онъ не только передавалъ мысль подлинника, но и самый строй рѣчи его вносилъ въ текстъ перевода. Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ былъ общимъ взглядомъ Русской учености того времени; иначе откуда бы появиться выраженіямъ въ родѣ слѣдующихъ: блгоумепъ есть, иже не скорбитъ о нихъ же не имать, но радуется о ихъже имать: Боряся ω немъже ωнеправдилъ еси, дващи ωнеправдуеши. Смотрицкій самъ въ своей Грамматикѣ приводитъ для образца этѣ фразы, хотя въ то же время самъ чувствуетъ и признается, что въ нихъ есть что-то противу-Словенское. «Полагатися возносительномоу аттиковъ правомъ «въ томъ падежи, въ немъ же предъидущему положити-«ся достояше, за едва есть свойственно». Но вмѣсто того, чтобы слѣдуя внушенію своей Словенской природы, исправить ошибку, введенную общимъ заблужденіемъ въ Грамматику, отвергнуть несвойственный строй рѣчи и на мѣсто его возстановить словосочиненіе, требуемое Словенскимъ идіомомъ, Смотрицкій довольствуется ничтожною поправкою правописанія, которая сама въ свою очередь основана на несправедливомъ мнѣніи (*).

(*) Смотрицкій вставное *и* (ω нижже) почитаетъ предъидущимъ мѣстоименіемъ въ сокращенномъ видѣ, между тѣмъ, какъ это есть единственно ради благозвучія вставляемый звукъ Итакъ

Это видимое искаженіе настоящего Церковно-Словенскаго идіома въ Грамматикѣ Смотрицкаго тѣмъ болѣе досадно и страшно, что онъ могъ прекрасно понимать геній Словенскаго языка и его естественныя свойства. Его ученіе о членѣ служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Сквозь густую тучу мѣстоименій, въ видѣ члена употребляемыхъ, нанесенную въ Словенскій языкъ невѣжествомъ переводчиковъ и сочинителей, Смотрицкій смогъ однако разсмотрѣть настоящее свойство Словенскаго языка въ этомъ отношеніи, съумѣлъ строго различить между идіомомъ Эллинскимъ и идіомомъ Словенскимъ; понялъ что то, что свойственно и «изрядно одному» то противоестественно другому. «Еллинску діа«лекту различій оупотребленіе, предчшихъ изряднѣе, лѣ«пота есть и многая энергіа. Словенску же многое пи«шемыхъ разума омраченіе и сочиненія Грамматична смя«теніе, развѣ чисто возносимыхъ дѣло совершающихъ». И потомъ: «аще бо предчюная Грековъ арѳра хранкще «преводити Славяномъ достояше, чтобы сего неискоус«нѣе было, свое намъ Славянска діалекта чистое свой«ство, чоуждаго нимала сему приличными свойствы и «и печищати. Тѣмже вѣстно боуди подъчшная арора «Греческая Славяны по долгу хранимы быти, предъчин«ная же токмо въ претварянiи причастій во глаголы. «Яко егда глаголемъ, Отче нашъ, иже еси. Греческое «ὁ ὠν приразумѣемое причастіе, на второе глагола лице «претворше».

онъ совѣтуетъ въ приведенныхъ случаяхъ выбросить только вставленное между предлогомъ и мѣстоименіемъ *и*. Но не ясно ли всякому, что еслибы это *и* дѣйствительно замѣняло мѣстоименіе указательное, то предложенное Смотрицкимъ исправленіе еще болѣе содѣйствовало бы сближенію Словенскаго строя рѣчи съ Греческимъ.

Продолжимъ исчисленіе правилъ, въ которыхъ высказывается направленіе Смотрицкаго. «Существительная недоумѣннаго знаменованія, яко любы, мѫть, попеченіе, желаніе, ревность и симъ подобная, егда дѣйство или притяженіе знаменуютъ притяжательнымъ сочиняются; яко любы моя, желаніе мое, ревность ваша, и прочая, еюже азъ кого люблю, имъже ты кому желаеши, его же вы по кому ревнуете. Егдаже страданіе знаменуютъ родительный *мене, тебе, себе, васъ, насъ* притяжутъ, яко *любовь мене*, желаніе *тебе*.

Многажды долгъ имениительнаго неопредѣленный глагола завершаетъ. Яко нѣсть мое дати.

Глаголи неопредѣленіи, предъ собою винителенъ, по себѣ свонхъ глаголъ падежъ притяжутъ. Яко хощу тя жити живота честенъ и благочестивъ. Многажды предъ собою и по себѣ винителенъ притяжутъ. Тщюся быти мя цѣломудра.

Причастодѣтія, Грѣкомъ нарѣчія положительная на *εον*, Латинскимъ герундіа на *dum*, овогда самостоятельнѣ полагаются, яко творительно, глательно, посительно. Любителенъ ми есть сынъ мой.

По Греческимъ сочиненія правилномъ, именъ и мѣстоименій падеже причастій падежа сочиняемы быти себѣ въ томъ же родѣ, числѣ и пядежи и у Славянъ изыскуютъ. Никомуже когда не бысть похвально, бѣдна помиловавшему, вмѣсто помиловати.

Оувѣщаніе о нарѣчіяхъ отрицанія. Да оувѣстся первое: Отрицанія нарѣчія Грекомъ во оусугубленіи и трегубленіи обычная, Славянномъ свойственна не быти. Неевойственнѣ Славенски глаголемъ: «Да не ктому ѿ тебе во вѣки ни ктоже плода снѣсть». Речемъ же свойственнѣ сице преведше: да никтоже ктому отъ тебѣ

во вѣки плодъ снѣсть. Ни едину заповѣдь твою не сотворихъ; но: ни едину заповѣдь твою сотворихъ. Славянωмъ бо сугубо отрицаніе творитъ оувѣщаніе утвержденіе), единоже и трегубое творитъ отрицаніе.

Этимъ заключаемъ нашу выписку. — Изъ синтаξіи образной не приводимъ ничего, кромѣ названія ея схемъ: просѳесисъ, синекдохи, сѵнѳесисъ, зеѵгма, сѵллиψисъ, пролиψисъ, антіптωсисъ, эналлаги, эллипісмъ. Это были не больше, какъ затѣи мудрствующихъ Грамматиковъ вовсе не важныя для филологіи. Что касается до просодіи стихотворной, вѣнчающей собою всю Грамматику, то мы выписаемъ изъ нея первыя строки: «Матѳій «Стрійковскій Каноникъ Самоитскій, дѣй Словенскихъ «хронографъ достовѣрный, въ четвертой своея Хрополо«гіи книзѣ пишетъ: Овідіа славнаго онаго Латінскаго «поэта въ Сарматскихъ нарωдъ заточеніи и языку ихъ «совершеннѣ навыкша, Словенскимъ діалектомъ за чистое «его, красное и любопріемное стихи или вирши писав»ша». За тѣмъ начинается ученіе о слогахъ, стопахъ, разныхъ родахъ стиховъ: о стихѣ ироическомъ, стихѣ элегійскомъ, іамвійскомъ, сафійскомъ, фалеѵскомъ, глѵконскомъ и асклепіадскомъ. Все это очевидно плодъ чужеземный, Словенскому языку явно несвойственный, но который общее направленіе умовъ въ Западной Руси непремѣнно хотѣло перенести на Словенскую почву.

Все изслѣдованіе наше о Грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго можемъ по всей справедливости заключить слѣдующими словами одного ученаго и трудолюбиваго Серба, жившаго въ Россіи, и болѣе двадцати лѣтъ занимавшагося Словенскимъ языкомъ: «Мелетиь Смотрискиь «дльа ради своjего троудольубjа и дльа печальности, «коjу jест носил про общиjу ползу, пишущ Грамматику,

«достојен јест памети и многіеје хвали; и бил би доспил «веши народу пособније, даби се не билъ соблазнил по «обзору на Гречьскије преводи». — А объ этихъ переводахъ и о ихъ языкѣ весьма справедливо приведенный нами Писатель такъ отзывается: «А про перевод «светих божьих и цирковних кньиг, које нам преведоше «Греки, что речем? Нѣст нам триба на се отвѣщат: «дило само говорит. Не смотрим ми того, јеже суть «преводники никоје Гречьскије и Нимечскје ричи, а «Латинских и довольно число безъ ноужди въ кньги «вписали, него се обличит поноуждно морајем, како «сут Греки нашу бесиду на своје копито набили, се «јест: вес состав и обличје нашего једзика (по обзору «на своь језик) изо дна извратили и превратили, тако, «да ни он јест Гречьскыь, ни он Русскиь језик.» — Такими-то памятниками языка Словенскаго руководился Мелетій Стотрицкій. И это первая вина недостатковъ его Грамматики. Но вотъ далѣе тотъ же писатель говоритъ, продолжая первый приведенный нами отрывокъ: «и дабы не бил захотил, нашего језика на Гречьскије «и на Латинскије узори претворяти. Всякиь бо језик «јмајет своја властита правила, разнита от јних, и не «можетсе по иного језика узорех или по правилех из«правльат«.

Трудъ Смотрицкаго привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, какъ своею обширностью и ученостью, такъ и славою сочинителя. — Филологическое достоинство его признавалось безприкословно; ибо всѣ по образу воспитанія были совершенно согласны съ Смотрицкимъ въ его понятіи о Словенско́мъ языкѣ. Никто и не подозрѣвалъ, что Смотрицкій извлекъ свои грамматическія правила не изъ чистаго, не изъ настоящаго Словенскаго языка, но

изъ языка испорченнаго и обезображеннаго напосомъ чуждыхъ ему словъ и оборотовъ. Если отъ времени до времени раздавался голосъ недовѣрія къ труду Смотрицкаго; если тотъ или другой ученый осмѣливался порицать его: то единственно за излишнее, для всѣхъ явное пристрастіе къ формамъ языка Греческаго. Возвести языкъ Церковно-Словенскій къ его начальной формѣ, очистить его отъ позднѣйшаго наноса, изъ древнѣйшихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ цѣлѣйшихъ памятниковъ извлечь настоящую Церковно-Словенскую Грамматику приспособленную въ самомъ составѣ своемъ къ особымъ формамъ языка, — этого въ ту пору не приходило никому и въ голову: изучали языкъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ ихъ пору; мучились надъ подведеніемъ его искаженныхъ формъ подъ грамматическія правила, не зная и не думая, что стоитъ только обратиться къ истоку языка, чтобы строй его представился намъ въ стройномъ и удобопонятномъ видѣ. Не оттого ли можетъ быть страдаетъ и Русская Грамматика такою страшною запутанностью, что не хочетъ напередъ исторически пройти развитіе формъ языка нашего: многое различное, можетъ быть, сошлось бы, темное уяснилось бы, если бы мы имѣли терпѣніе начинать свои грамматическіе труды съ самаго начала. — Итакъ Грамматика Смотрицкаго перешла во всѣ послѣдующія Грамматики Церковно-Словенскаго языка. Ее издалъ *Поликарповъ* справщикъ Московской типографіи и первый нашъ библіографъ въ 1721 году; ее повторилъ въ своей Грамматикѣ Максимовъ въ 1723 г. Она же служила главнымъ руководствомъ при составленіи *Кременецкихъ письменницъ*. Выше ея положеній не поднимались и заграничные изслѣдователи того же предмета. Ученіе о

Грамматическомъ строѣ Словенскаго языка до самаго Добровскаго оставалось на той степени, на которую возвелъ его Смотрицкій. Добровскій своими историческими, и воособенности филологическими изысканіями далъ совершенно иной видъ вопросу о Церковно-Словенскомъ языкѣ. Обладая основательнымъ знаніемъ нарѣчій и подрѣчій Словенскаго языка, которое такъ важно и необходимо въ изслѣдованіи о языкѣ Церковно-Словенскомъ, осмотрѣвъ и изучивъ множество рукописныхъ и того болѣе старопечатныхъ памятниковъ языка сего, трудясь съ терпѣніемъ и добросовѣстностью примѣрными, Добровскій многое объяснилъ въ Грамматикѣ Церковно-Словенскаго языка, указалъ путь къ разрѣшенію остальнаго, и такимъ образомъ, можно сказать по всей справедливости, первый показалъ, какъ нужно заниматься этимъ предметомъ, на что должно быть обращено вниманіе, и на чемъ должны опираться всѣ изслѣдованія, чтобъ быть прочными и основательными. До него филологическое ученіе о Словенскомъ языкѣ казалось какою-то невозможностью; онъ доказалъ своими трудами противное. Но отдавая полную справедливость важнымъ и обильнымъ послѣдствіями тругамъ Добровскаго, въ тоже время мы находимъ въ нихъ важные недостатки, отчасти исправленные и дополненные другими, отчасти еще ждущіе себѣ дѣлателей. Грамматику Добровскаго считаемъ чрезвычайно важною книгою для Словенской филологіи; но въ тоже время говоримъ, что ея догматическое значеніе уже миновалось; она принадлежитъ исторіи; въ наукѣ ея мѣсто заступили вѣрнѣйшія основательнѣйшія изслѣдованія. И симъ послѣднимъ приписываемъ тѣмъ высшее значеніе, что они не были приготовлены или вызваны трудами Добровскаго,

но были совершенно самобытны. Мы разумѣемъ здѣсь ученыя изслѣдованія *Востокова*. — И такъ все послѣдующее разсмотрѣніе свое раздѣляемъ на три отдѣла: 1) опредѣленіе того, что для Словенской филологіи сдѣлалъ Добровскій, и что оставилъ нерѣшеннымъ? 2) Въ чемъ состоятъ филологическія заслуги Востокова? и 3) Какіе вопросы ждутъ еще себѣ отвѣта отъ Церковно-Словенской филологіи?

Всѣ многочисленные труды Добровскаго могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе два отдѣла: 1) по части Исторіи Словенства вообще, 2) по части Филологіи Словенской; и притомъ сіи послѣдніе распадаются также на два вида: 1) по части Чешскаго, и 2) по части Церковно-Словенскаго языковъ. Согласно нашей цѣли всѣ первые три отдѣла исключаются изъ нашего разсмотрѣнія; въ настоящемъ случаѣ для насъ важны только филологическія изысканія о Церковно-Словенскомъ языкѣ. И потому два только сочиненія Добровскаго займутъ наше вниманіе: 1) Entwurf zu einem allgemeinen Slawischen Etymologicon, 1819; и 2) Institutiones lingvae Slavicae, переведенныя на Русскій языкъ Погодинымъ въ 1833 году. Прежде всего намъ предлежитъ разсмотрѣть и оцѣнить пріемъ, который употребилъ Добровскій въ своихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ.

Ему хотѣлось отыскать настоящій неиспорченный строй языка Церковно-Словенскаго, опредѣлить грамматически его свойства, указать его составъ. Для этой цѣли мало было изучить одинъ, два, нѣсколько памятниковъ, писанныхъ у такаго или другаго народа; для этой цѣли нужно было познакомиться по возможности со всѣми извѣстными памятниками языка, чтобы въ одномъ найти исправленіе и дополненіе того, что испорчено или

чего недостаетъ въ другомъ. Для сей цѣли Добровскій посѣтилъ нѣкоторыя важнѣйшія въ показанномъ отношеніи мѣста; вошелъ въ сношеніе со всѣми владѣтелями или знатоками Словенскихъ памятниковъ, и такимъ образомъ собралъ у себя значительное количество памятниковъ языка Словенскаго различныхъ народовъ и временъ. Прилѣжное чтеніе, доходившее до изученія, предпослалъ онъ своимъ филологическимъ трудамъ. До Добровскаго не было еще примѣра, чтобы Словенскія филологическія изслѣдованія опирались на такомъ множествѣ данныхъ. Кто не согласится въ справедливости и похвальной добросовѣстности такаго пріема? Добровскій далъ всѣмъ намъ примѣръ, съ какимъ запасомъ данныхъ должны мы приступать къ составленію законовъ языка. По всей справедливости можно и должно сказать, что Добровскій положилъ основаніе основательной, на фактахъ опирающейся филологіи. Убѣдительныя доказательства этого вы находите на всякой страницѣ его Грамматики.

Но Добровскій высказалъ только половину истины: онъ показалъ и доказалъ, что нужно опираться на фактахъ, но на какихъ? Гдѣ искать настоящаго Церковно-Словенскаго языка? Какому времени принадлежитъ онъ? На какіе памятники можно сослаться, какъ на памятники настоящаго, неискаженнаго языка? Вотъ вопросы, на которые не далъ себѣ отвѣта Добровскій; и это повлекло важныя послѣдствія въ его филологическихъ занятіяхъ. Не языка Кирилла и Меѳодія искалъ Добровскій; но стремился по правиламъ филологіи создать настоящій правильный Словенскій языкъ, не привязывая его къ той или другой эпохѣ. Но языкъ, какъ и всякое конечное явленіе, не выходитъ изъ условій времени: мы можемъ говорить о Церковно-Словенскомъ языкѣ Кирилла и Ме-

ѳодія, о языкѣ печатнаго Патерика, Четій Миней, о языкѣ послѣдняго изданія Библіи: но говорить вообще о Словенскомъ языкѣ безъ всякаго отношенія ко времени, это значитъ заниматься абстрактами, никогда въ дѣйствительности не существующими. Какъ не можетъ существовать человѣкъ вообще, но всегда существуетъ одно или другое недѣлимое человѣческаго рода; такъ нѣтъ и языка вообще, но есть языкъ той или другой эпохи. Рѣшите, который языкъ считать настоящимъ Церковно-Словенскимъ языкомъ, и потомъ изслѣдуйте филологически памятники избранной вами эпохи. Добровскій не рѣшилъ для себя, гдѣ искать ему настоящаго Церковно-Словенскаго языка; на какую эпоху должно обратиться главнымъ образомъ его вниманіе; онъ думалъ чрезъ простое отвлеченіе получить всѣ черты Церковно-Словенскаго языка: и дѣйствительно создалъ въ своей книгѣ абстрактъ Церковно-Словенскаго языка, который не употреблялся ни у одного народа и ни въ одну эпоху. Правда—тутъ была часть истины: Добровскій хотѣлъ отдѣлить ото языка все то, что тотъ или другой народъ присоединилъ къ нему отъ себя: но чтобы поступить вѣрно и надежно при этомъ отдѣленіи, необходимо требовалось взять первоначальные памятники языка Церковно-Словенскаго и, руководясь ими, прослѣдить Церковно-Словенскую письменность у всѣхъ народовъ, чрезъ всѣ времена; такимъ только способомъ можно опредѣлить, что именно каждый народъ привносилъ изъ своего идіома въ языкъ. Но Добровскій, держась своей абстракціи, не утверждаясь положительно ни на какомъ памятникѣ, сглаживалъ съ чертами чуждыми языку также и тѣ, которыя существенно ему принадлежатъ. Такой участи подверглись падежныя окончанія прилагательныхъ: аго,

оуоуму, еому и т. д. Такую же судьбу испытали и звуки носовые. Итакъ отдавая полную справедливость чрезвычайному трудолюбію Добровскаго, мы не можемъ не упрекнуть трудъ его въ излишней отвлеченности. Его заслуга состоитъ въ томъ, что 1) онъ показалъ своимъ примѣромъ, съ какимъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній должно приступать къ филологическимъ изслѣдованіямъ о языкѣ; 2) онъ научилъ, какъ должно снимать съ языка тотъ наносъ, который притекъ на него со стороны. Недостатокъ его пріема состоитъ въ томъ, что онъ поступалъ по законамъ научнаго отвлеченія съ собранными фактами, тогда, какъ ему слѣдовало бы избрать языкъ извѣстной опредѣленной эпохи, и на немъ сосредоточить главное свое вниманіе.

Все изслѣдованіе Добровскаго о Церковно-Славянскомъ языкѣ можно раздѣлить на слѣдующіе 4 отдѣла: 1, на ученіе о фоническомъ составѣ языка, 2, ученіе о построеніи и составѣ словъ языка, 3, ученіе о этимологическихъ формахъ языка и 4, синтаксисъ. Каждая изъ сихъ частей, вообособенности первая и третья носятъ на себѣ ясные слѣды того, что Добровскій занимался не языкомъ древнѣйшей первопачальной письменности Словенской, не языкомъ Кирилла и Меѳодія, но создалъ зрезъ отвлеченіе новый *правильный* Церковно-Словенскій языкъ. Разсмотримъ изслѣдованіе Добровскаго о буквахъ и ихъ взаимномъ отношеніи. Число буквъ по таблицѣ Добровскаго простирается до 47. Такое размноженіе буквъ произошло отъ того, что въ Словенской письменности всякій звукъ одинаковый съ другими по своей сущности, но принимавшій нѣкоторый особенной оттѣнокъ вслѣдствіе особеннаго сочетанія, означался особеннымъ начертаніемъ. Такъ было напр. съ звукомъ *е*. Онъ

изображался въ видѣ Ѥ, ѣ, є, Ꙗ. Тоже самое было и съ другими гласными звуками. При такомъ множествѣ сходныхъ по значенію начертаній естественно возникалъ вопросъ, гдѣ которое изъ сихъ начертаній должно быть употреблено. — Если бы Добровскій изслѣдовалъ языкъ первоначальной Словенской письменности, языкъ Остромірова Евангелія и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ; если бы онъ изслѣдовалъ настоящій Церковно-Словенскій языкъ: то ему не нужно бы было пускаться въ длинныя разсужденія о томъ, гдѣ писать є и Ꙗ, о и ѡ; правила объ этомъ или вовсе ненужны, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно просты и кратки. Различіе между є и Ꙗ, о и ѡ, не существовало; ибо самыя вторыя начертанія были неизвѣстны; ѥ писалось тамъ, гдѣ предшествовала ему гласная, или л, р, или при началѣ слова. Однимъ словомъ въ языкѣ первоначальномъ правописаніе было въ высшей степени просто и правильно; ибо каждый звукъ имѣлъ свое особенное, существенно необходимое въ языкѣ назначеніе; грамматическія формы различались другъ отъ друга ясно — фонически, а не только буквенно. Но не тотъ языкъ избралъ Добровскій своимъ предметомъ, и оттого первая часть его грамматики наводнилась множествомъ по настоящему совершенно излишнихъ правилъ, — правилъ, которыя могутъ имѣть мѣсто только въ ученіи о послѣдующемъ, испорченномъ языкѣ, а не о языкѣ собственно Церковно-Словенскомъ. Такимъ образомъ подобно Смотрицкому, Добровскій учреждаетъ начертательное различіе между орудным падежемъ единственнаго и дательнымъ множественнаго въ именахъ мужескаго рода: средствомъ къ тому служатъ о и ѡ, є и Ꙗ; между именительнымъ единственнаго и родительнымъ множественнаго; между

родительнымъ и винительнымъ падежемъ единственнаго мѣстоименія *и*: ѥго и ѥѫ. Не понимая настоящаго значенія начертаній: ѧ, ѫ, ѩ, ѭ, Добровскій естественно отождествилъ ихъ съ тѣми знаками, кои у Русскихъ и Сербовъ заступили ихъ мѣсто: съ *у*, *ю*, *я*; оттого самъ собою возникъ вопросъ, гдѣже писать *у* и гдѣ ѫ и т. д. Отвѣтъ Добровскаго показываетъ совершенное недоумѣніе объ этомъ предметѣ. Значеніе начертаній ъ и ь, до половины уже объясненное Смотрицкимъ, Добровскій не изъяснилъ болѣе: повторивъ замѣчанія Смотрицкаго, онъ съ своей стороны значительно сократилъ употребленіи $ъ^{а}$, столь обширное въ древнѣйшемъ языкѣ; тамъ мы находимъ его повсюду между двумя согласными. Добровскому это было извѣстно; но онъ не обратилъ на то вниманія и положивъ, что вездѣ, гдѣ нѣтъ ь, подразумѣвается ъ, почти совершенно изгналъ изъ языка сей послѣдній. Употребленіе же его въ языкѣ древнемъ, законъ, по которому поставлялся между согласными то ъ, то ь, и наконецъ способъ произношенія сихъ начертаній не опредѣлены ни мало Добровскимъ; а между тѣмъ изслѣдованіе этого пункта повело бы его къ уразумѣнію настоящаго значенья $ъ^{а}$ и $ь^{я}$ въ въ древнемъ языкѣ. На самомъ дѣлѣ, что такое ъ и ь въ древнѣйшихъ памятникахъ Словенскаго языка? Суть ли они тоже; что Еврейская *шева*? Замѣняютъ ли они собою гласныя? Это есть пунктъ перѣшенный, ждущій еще себѣ изслѣдователя.—Вотъ три пункта, въ которыхъ мы не можемъ согласиться съ положеніями Добровскаго; и вся неудовлетворительность ихъ проистекла, по нашему мнѣнію, именно оттого, что Добровскій не рѣшилъ для себя вопроса, что есть Церковно-Словенскій языкъ, и гдѣ надобно искать настоящаго Церковно-Словенскаго языка?

За то Добровскій оказалъ большую услугу грамматикѣ изслѣдованіемъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ составѣ слова при образованіи различныхъ грамматическихъ формъ. Отношеніе между различными согласными и гласными буквами прекрасно понято и опредѣлено Добровскимъ. Весьма справедливо начиная свое изслѣдованіе съ отношенія между различными согласными буквами и ъ^{омъ} и ь^{семь}, Добровскій переходитъ потомъ къ указанію отношенія между согласными и гласными буквами и тѣми измѣненіями, кои происходятъ въ первыхъ въ угоду вторымъ. Г, к, х, и ихъ переходы въ з, ц, с, ж, ч, ш, щ, т, весьма удовлетворительно изложены въ ученіи Добровскаго. Умягченіе буквы *д*, вставка *н* и *в* также показаны во второй главѣ грамматики. Но и тутъ есть пунктъ, недостаточно изъясненный: это именно вставка между согласными буквъ бѣглыхъ *о* и *е*. Когда вставляется, одна и когда другая? Вотъ вопросъ, на который не далъ отвѣта Добровскій и на который рѣшеніе мы находимъ въ изслѣдованіяхъ О. Павскаго въ первомъ разсужденіи.

Ученіе объ удареніяхъ въ грамматикѣ Добровскаго приняло совершенно иной, сообразнѣйшій съ природою Словенскаго языка видъ; изгнаны всѣ ненужныя нововведенія предъидущихъ грамматиковъ; и оставлено только то, что дѣйствительно нужно для выговора. Ученіемъ о титлахъ и другихъ знакахъ заключается первая часть изслѣдованій Добровскаго: ученіе о взаимномъ отношеніи Словенскихъ звуковъ.

Вторая часть филологическаго труда Добровскаго: ученіе о построеніи словъ есть прекрасный плодъ, взращенный трудомъ умнымъ и терпѣливымъ, плодъ, дотолѣ не виданный, за исключеніемъ изслѣдованій Шиш-

кова. Эта часть грамматики Добровскаго объяснила способъ, коимъ изъ простаго, краткаго корня вырастаетъ длинное слово, какой смыслъ каждый приростъ сообщаетъ слову, какія измѣненія происходятъ съ приростами, когда они встрѣчаются съ другими. Всѣ корни Словенскаго языка Добровскій дѣлитъ на три разряда; исчисляетъ ихъ по возможности; за тѣмъ переходитъ къ производственнымъ слогамъ и буквамъ, исчисляетъ ихъ всѣ, показываетъ, что приставляется къ корню спереди и что сзади; и такимъ образомъ разлагаетъ предъ нами каждое слово языка анатомически. Трудъ Добровскаго мы цѣнимъ тѣмъ выше, что во все продолженіе онаго не сдѣлано никакихъ произвольныхъ предположеній, съ цѣлію основательнѣйшаго изъясненія фактовъ; но все основано на несомнѣнныхъ данныхъ; теоретическія положенія допущены только потолику, поколику они явно и вразумительно опираются на данныхъ. Вторая часть грамматики Добровскаго есть исполинская заслуга его предъ Словенской филологіей.

Переходимъ къ третьей части Грамматики, къ ученію о формахъ склоненія и спряженія Словенскаго. Добровскій принимаетъ сначала три склоненія: для именъ рода мужескаго, рода женскаго и рода средняго; потомъ первое подраздѣляетъ на два вида, второе на три, а третье на четыре. Весьма справедливо замѣчаетъ Добровскій: «на что стѣснять число склоненій. размножая число частныхъ примѣровъ?» И потому онъ принимаетъ 9 склоненій, предлагая ихъ обозрѣніе въ особой таблицѣ. Представимъ здѣсь сію таблицу; ибо она въ краткомъ видѣ заключаетъ все ученіе Добровскаго о склоненіи; и слѣдовательно даетъ намъ полную возможность съ основательностію судить объ этомъ важномъ предметѣ.

	ЕДИНСТВЕННОЕ ЧИСЛО.							МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО.					
	Им.	Вин.	Род.	Дат.	М.	Совок.	Зва.	Им.	Вин.	Род.	Дат.	Мѣстн.	Совок
Мужеска-го рода.	—	—	а. ꙋ	ꙋ ови.	ѣ ꙋ.	ом.	е. ꙋ.	и. ове е.	ы.	ѡв	ѡм.	ѣх.	ы.
	ь.	ь.	ѧ е.	ю. еки. и.	и.	еи.	ю. е. и.	ї е, е. еве. и.	ѧ и.	ь. ї й. ев.	ем.	ѣх.	и. ми.
Средняго рода.	о	о.	а	ꙋ	ѣ	ом		а	а	—	ѡм	ѣх.	ы.
	е	е.	ѧ	ю.	и.	ем		ѧ.	ѧ	ь	ем.	ѣх их.	и.
	ѧ	ѧ.	ене,	ени.	ени.	енем.		ена	ена	ен	енем.	енех.	ены.
	ѧ	ѧ.	ѧте.	ѧти.	ѧти.	ѧтем.		ѧта.	ѧта	ѧт.	ѧтем.	ѧтех.	ѧты.
	о.	о.	есе.	еси.	еси.	есем.		еса.	еса.	ес.	есем.	есех.	есы.
Женскаго рода.	а.	а.	ы	ѣ.	ѣ	оѣ,	о.	ы.	ы.	—	ам.	ах	ами.
	ѧ.	ѧ.	ѧ	и.	и.	ею.	е.	ѧ.	ѧ	ь. ї й.	ѧм.	ѧх.	ѧми.
	ь	ь.	е	и.	и.	ї ю.	и.	е.	е.	ї й.	ам. ем.	ах.	ами
	ь	ь.	и.	и.	и.	ї ю	и.	и.	и.	ї й.	ем.	ех.	ми.

Объ этой таблицѣ замѣтимъ слѣдующее: 1) нѣкоторыя окончанія именъ выставлены не первоначальныя, но образовавшіяся изъ наращенія косвенныхъ падежей. Таковы окончанія: *матерь, камвнь, неплодвь.* Вслѣдствіе того склоненіе съ наращеніемъ принимается въ одномъ только среднемъ родѣ, между тѣмъ, какъ въ собственно Словенскомъ языкѣ оно существовало во всѣхъ трехъ родахъ. И не могло бы быть ничего лучше, какъ всѣ сіи слова, склоняющіяся съ наращеніемъ, отнести къ одному особенному классу, означивъ подробно всѣ особые виды наращеній въ частныхъ примѣрахъ. Ибо слова всѣхъ трехъ родовъ склоняющіяся съ наращеніемъ, имѣютъ между собою весьма значительное сходство. 2) окончанія падежей, содержащія въ себѣ *у* или *ю*, или ѧ или ѫ почти всѣ означены ошибочно вслѣдствіе изгнанія носовыхъ звуковъ изъ Церковно-Словенскаго языка. 3) Подробно исчислены двоякія окончанія падежей (родительный единственнаго мужескаго *у* и *а*, предложный ѣ и *ѣ*, звательный ѣ и є и т. д.), но не изслѣдованъ законъ, по которому должно быть употреблено то или другое окончаніе. Это вопросъ, который еще и до сихъ поръ не получилъ надлежащаго отвѣта. Предположенія, сдѣланныя О. Павскимъ касательно двоякихъ окончаній родительнаго и предложнаго падежей, болѣе остроумны, чѣмъ основательны: они могутъ ослѣплять, но не могутъ разумно убѣждать.

Склоненіе именъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ — на ъ въ первый разъ представлено Добровскимъ по памятникамъ настоящаго Церковно-Словенскаго языка. До него обыкновенно усѣченныя прилагательныя, если и склонялись въ Грамматикахъ по образцу существительныхъ, то въ въ творительномъ единственнаго, да-

тельномъ и творительномъ множественнаго всегда сбивались на схему прилагательныхъ полныхъ. Добровскій первый предложилъ это склоненіе такъ, какъ оно существовало въ первоначальномъ языкѣ.

Но за то склоненіе прилагательныхъ полныхъ страдаетъ совершеннымъ удаленіемъ отъ первоначатнаго типа. Удвоеніе гласныхъ, которое характеризовало его въ древнемъ языкѣ, сообщая ему стройность и правильность, совершенно сглажено и замѣнено формами языка передѣланнаго, измѣненнаго.

Ученіе о формахъ глагольныхъ отличается у Смотрицкаго неукоризненною вѣрностью и полнотою. Мысль о видахъ развита со всею потребною полнотою; — значеніе буквъ, прилагаемыхъ къ корню глалола, опредѣлено ясно и положительно. Формы спряженія: времена и наклоненія исчислены съ полнотою — безъ излишества. Изгнано изъ Грамматики прежнее стремленіе находить въ Церковно-Словенскомъ языкѣ все то, чѣмъ характеризуется языкъ Греческій: введенъ супинъ или неопредѣленное наклоненіе достигательнаго вида на *тъ*; объяснено условное время; показанъ законъ различныхъ формъ глалола; наконецъ представленными въ трехъ спряженіяхъ схемами исчерпаны всѣ формы; какія только принимаетъ въ Церковно-Словенскомъ языкѣ глаголъ. Если иногда Добровскому въ чисто-глагольныхъ формахъ, логически не допускающихъ рода (въ прошедшемъ времени третьемъ лицѣ множественнаго числа) угодно было различать роды, такъ это именно и единственно потому, что не утвердившись на одной извѣстной эпохѣ языка, онъ разбросился мыслью по всѣмъ, желая всѣ обнять своимъ ученіемъ; а въ эпохахъ позднѣйшихъ уже дѣйствительно было внесено въ Церковно-Словен-

ское спряженіе различіе родовъ. Если употребленіе *юсовъ* или изгнано или перемѣшано въ спряженіи у Добровскаго; если потому самому глаголы, кончащіеся въ первомъ лицѣ настоящаго времени на *мь*, сочтены невинно неправильными, то причина опять таки лежитъ въ томъ, что Добровскій не примкнулъ своихъ изслѣдованій главнымъ образомъ къ древнѣйшей эпохѣ, гдѣ *юсы* и значеніе оныхъ сохранено во всей цѣлости.

Синтаксисъ Добровскаго весь есть заслуга Словенской филологіи: онъ очистилъ Церковно-Словенскую конструкцію отъ тѣхъ непрестанныхъ эллинизмовъ, коими страдала она и въ сочиненіяхъ позднѣйшаго времени и въ Грамматикахъ XVII и XVIII столѣтій. Мнимый членъ изгнанъ изъ языка; замѣненіе числительныхъ прилагательныхъ числительнымъ нарѣчіемъ съ родительнымъ существительныхъ возстановлено согласно природѣ языка; введено двойное отрицаніе; отдана прежняя привиллегія мѣстоименію *свой*, замѣнять другія мѣстоименія притяжательныя; объяснены законы дательнаго самостоятельнаго; устроено сочиненіе предлоговъ. Одного только недостаетъ въ синтаксисѣ Добровскаго: ученія о сочиненіи союзовъ съ глаголами. «*Егда*» сочиняется весьма разообразно: и съ изъявительнымъ и съ неопредѣленнымъ; и очевидно есть частица весьма часто попадающаяся въ языкѣ. Добровскій пропустилъ ее безъ вниманія. Всѣ положенія, сдѣланныя Добровскимъ въ Синтаксисѣ подкрѣплены множествомъ фактовъ, заимствованныхъ изъ различныхъ по времени и мѣсту написанія памятниковъ языка. Для вящшаго подкрѣпленія всей Грамматики своей, на концѣ приложены къ ней отрывки изъ различныхъ Словенскихъ рукописей съ филоло-

гическимъ разборомъ каждаго содержащагося въ *нихъ* слова.

Въ тоже самое время, когда Добровскій за границею трудился въ пользу исторіи и филологіи Словенской, въ Россіи становился замѣтенъ добросовѣстностью и особеннымъ тактомъ своихъ ученыхъ филологическихъ занятій *Востоковъ*. — Знакомый съ многочисленными сокровищами Церковно-Словенской письменности, хранящимися въ Русскихъ книгохранилищахъ, Востоковъ предпослалъ подробное изученіе оныхъ своимъ филологическимъ положеніямъ. Не уступая Добровскому въ трудолюбіи и добросовѣстности, превосходя его правильностью своего воззрѣнія на предметъ, уступая ему развѣ въ степени знанія западныхъ Словенскихъ нарѣчій, Востоковъ оказалъ и продолжаетъ оказывать важныя услуги Словенской филологіи. Первая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ досказалъ мысль Добровскаго касательно понятія о Церковно-Словенскомъ языкѣ; вниманіе, у Добровскаго разбросанное по всѣмъ эпохамъ и памятникамъ языка, Востоковъ приковалъ къ одной эпохѣ, давъ чрезъ то всѣмъ прочимъ эпохамъ значеніе относительное, второстепенное. Востоковъ первый ясно сказалъ, что есть Церковно-Словенскій языкъ, и гдѣ надобно искать его: это языкъ перевода Кирилла и Меѳодія; языкъ древнѣйшей первоначальной письменности Словенской. Тамъ въ памятникахъ этого отдаленнаго времени надобно искать его въ его настоящемъ видѣ. Изученіемъ оныхъ памятниковъ утвердивши свое знаніе формъ и состава языка, надобно идти чрезъ послѣдующія эпохи, и тогда сами собою предстанутъ ясно всѣ тѣ искаженія, кои претерпѣлъ языкъ отъ чуждой народности, отъ времени и всего болѣе отъ невѣжества.

Востоковъ обратился къ древнѣйшимъ памятникамъ языка Церковно-Словенскаго; на нихъ основалъ мысль свою объ этомъ предметѣ; и уже въ 1817 годы высказалъ ее въ XVI томѣ Трудовъ Общества Любителей Руссійской Словесности, съ полнотою и оригинальностью, для того времени изумительными. Такимъ образомъ уже въ самомъ взглядѣ на предметъ Востоковъ значительно превосходитъ Добровскаго.

Вслѣдствіе этой опредѣлительности основнаго взгляда и самыя положенія Востокова о языкѣ значительно превосходятъ положенія Добровскаго правильностью и полнотою. Ученіе о носовыхъ звукахъ, не вошедшее въ Грамматику Добровскаго, обработано Востоковымъ. Опираясь въ своихъ изслѣдованіяхъ на памятникахъ начальнаго Церковно-Словенскаго языка, Востоковъ видѣлъ важность и неизбѣжность *юсовъ*, уразумѣлъ ихъ фонѣескій смыслъ, чрезъ наблюденіе установилъ правила ихъ употребленія, и чрезъ то разомъ исправилъ всѣ многочисленные недостатки, наводнявшіе Грамматику Добровскаго вразсужденіи этого пункта. Изданіе Остромірова Евангелія и приложенныя къ оному Граммаческія правила составляютъ для всѣхъ Словенскихъ филологовъ истинную основу, опираясь на которой они смѣло могутъ строить дальнѣйшее ученіе о языкѣ. Склоненіе существительныхъ получило у Востокова правильнѣйшій, болѣе систематическій и удобнѣйшій для удержанія въ памяти видъ. Правда, Востоковъ насчитываетъ 19 различій для Церковно-Словенскаго склоненія; но всмотритесь въ эти различія, какъ хорошо примкнуты они одно къ другому, какая правильная мысль проведена чрезъ всѣ: *ъ* и *о*, *ь* и *е* попарно соединяются въ одно различіе: тутъ implicite высказывается мысль о близости

окончанія мужескаго къ окончанію среднему, — мысль весьма важная въ Грамматикѣ не только Словенской, но и Греческой и Латинской. Слова съ наращеніемъ, съ коими никакъ не могли справиться всѣ прежнія Грамматики, у Востокова возведены къ ихъ начальной формѣ, и въ видѣ особаго класса словъ занимаютъ послѣднія различія. Разнообразіе косвенныхъ падежей въ именахъ мужескаго рода (конь, копя, мѫжь—а, кънязь—а, тать, тати), опущенное безъ всякаго вниманія Добровскимъ, исчерпано со всею полнотою Востоковымъ; конечно Востоковъ не представилъ никакаго объясненія на эти факты; но онъ указалъ ихъ и тѣмъ подалъ поводъ къ къ изслѣдованіямъ другихъ. Такъ въ изданныхд въ 1846 году Ганкою *Началахъ Священнаго языка Словенъ*, уже предлагается весьма правдоподобное изъясненіе этого пункта. Склоненіе прилагательныхъ Востоковъ возвратилъ къ тому правильному, логическому типу, о которомъ говорилъ еще въ 1817 году, и убѣдительныя доказательства котораго представилъ при изданіи Остромірова Евангелія. Удвоеніе гласныхъ, противъ котораго такъ вооружались предъидущіе Грамматики, получило свое законное право въ языкѣ Церковно-Словенскомъ. Наконецъ Остромірово Евангеліе живо и убѣдительно оличило тѣхъ, кои думали, что при первомъ переводѣ Священнаго Писанія на Словенскій языкъ Греческій элементъ сильно вторгся въ языкъ; Востоковъ доказалъ молча одними только фактами, какъ далека эта мысль отъ правды. Однимъ словомъ ученіе Востокова о Церковно-Словенскомъ языкѣ отличается опредѣленностью взгляда, строгою вѣрностію фактамъ и критическимъ предложеніемъ оныхъ.

Въ послѣднее время Капитаръ и Ганка при изданіи

яхъ: одинъ глаголитскаго отрывка рукописи Графа *Клоца*, другой Ремешьскаго Евангелія, сдѣлали свои грамматическія приложенія. Но такъ какъ книжка Ганки есть извлеченіе изъ Грамматики Добровскаго съ отношеніемъ къ положеніямъ Востокова; а ученіе Копитара держится на изданной имъ рукописи, глубокая древность которой ясна только ему одному, то мы и предоставляемъ себѣ упомянуть о сихъ трудахъ въ главѣ объ изданіи памятниковъ Церковно-Словенскаго языка.

Итакъ намъ остается показать, какіе главные пункты послѣ всѣхъ, доселѣшнихъ филологическихъ изысканій о Церковно-Словенскомъ языкѣ, остаются еще не рѣшенными, неутвержденными или необъясненными, и слѣдовательно на что главнымъ образомъ должно должно обратиться вниманіе ученаго изслѣдователя сего предмета:

1) Природа буквъ ъ и ь и ихъ употребленіе въ древнемъ Церковно-Словенскомъ языкѣ, законъ этого употребленія, и образъ чтенія сихъ буквъ ждутъ опредѣленія.

2) Окончанія падежей родительнаго, винительнаго и звательнаго въ именахъ мужескаго рода разпознаются доселѣ только по употребленію. Законъ этого опредѣленія намъ не извѣстенъ.

3) Окончаніе именительнаго множественнаго числа именъ мужескаго рода на ѥ послѣ всѣхъ произвольныхъ предположеній не объяснено достаточно.

4) Окончанія творительнаго единственнаго, дательнаго и творительнаго множественнаго именъ мужескаго и средняго родовъ сильно отзывается формою прилагательною. Образованіе сихъ падежей весьма сомнительно и требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

5) Образованіе сравнительной степени не подведено еще подъ постоянные законы.

За рѣшеніемъ сихъ грамматическихъ вопросовъ насъ ждетъ еще важный трудъ показанія, какъ всѣ Церковно-Словенскія грамматическія формы относились къ грамматическимъ формамъ языковъ тѣхъ народовъ, кои впослѣдствіи времени обработывали его, и какія вслѣдствіе того измѣненія у того или другаго народа терпѣли они. Но ближайшій къ намъ, и слѣдовательно существенно необходимый для насъ трудъ есть конечно опредѣленіе отношенія между грамматическими формами Церковно-Словенскаго нарѣчія и нарѣчія собственно Русскаго; что въ формахъ перваго измѣнялось вслѣдствіе непзбѣжнаго вліянія народнаго идіома, и что было слѣдствіемъ невѣжества и нерадѣнія.